

АНТОН
ЧИЖ

КОРОЛЕВА
БРИЛЛЯНТОВ

Родион Ванзаров

АНТОН ЧИЖ

Королева брильянтов

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чиж А.

Королева брильянтов / А. Чиж — «Эксмо», 2019 — (Родион Ванзаров)

ISBN 978-5-04-101942-6

Королева брильянтов – очаровательная и благородная воровка, баронесса фон Шталь (она же Агата Керн), которая грабит только самых богатых и неверных мужчин, словно восстанавливая женскую справедливость. Алексей Пушкин – коллега Родиона Ванзарова, сыщик, сумевший разглядеть в Агате не просто преступницу, но... помощника. И... женщину. Новый исторический детектив Антона Чижа продолжает вселенную Ванзарова, но акцент – на других, более молодых и романтических героях. Интрига рождается на пересечении нескольких сюжетных линий, затрагивающих и цыганское проклятие, и даже судьбу Антона Павловича Чехова...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101942-6

© Чиж А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

20 декабря 1893 года, понедельник	9
21 декабря 1893 года, вторник	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Антон Чиж

Королева брильянтов

© Чиж А., текст, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Большов (входит и садится на кресло; несколько времени смотрит по углам и зевает). Вот она, жизнь-то; истинно сказано: суета сует и всяческая суета. Черт знает, и сам не разберешь, чего хочется. Вот бы и закусил что-нибудь, да обед испортишь; а и так-то сидеть одурь возьмет. Али чайком бы, что ль, побаловать. (Молчание.) Вот так-то и всё: жил, жил человек, да вдруг и помер – так все прахом и пойдет.
А. Н. Островский. Свои люди – сочтемся. 1849 г.

Ох и полюбил ее Филипп Парфенович, ох полюбил...

Крепко-накрепко полюбил, как последний раз любят. Последней любовью полюбил, какая приходит под конец, когда не ждешь уж ничего от скуки жизни. Полюбил страшно, полюбил отчаянно. Любовью преступной, от которой одна погибель. Не любовь это, а беда, конечно, как не понять. Наваждение какое-то, не иначе. Да будто оглох и ослеп Филипп Парфенович. Говорили ему, говорили, только никаких уговоров слушать не желал, в своей воле привык быть. Кто ему указ, кто поперек слово скажет? Такой характер, что не посмотрит, кто перед ним – друг, брат, сват, ударит так, что по плечи в землю вгонит. Потом, конечно, плакать будет, прощения просить, а норов бешеный, не укротишь. Дай повод – разорвет. А уж когда дело касается любви его заветной, тут и пискнуть не смей. Чего доброго, совсем убьет. Один сунулся увещевать, такой ответ получил, что другому неповадно стало. Что тут поделывать?!

Напасть явилась, откуда не ждали. В конце июня приятели старинные зазвали Филиппа Парфеновича в «Ярь» отобедать в дружной компании. Знать бы, чем веселье обернется, может, лучше бы ногу себе сломал и дома остался. Так нет же, приехал. Застолье, как водится, было обильным, тосты поднимались, вино рекой лилось, дело привычное. Настроение у Филиппа Парфеновича стало отменным. Да и с чего ему быть плохим? Дела у купца Немировского шли в гору. К ломбарду, доставшемуся от отца, Филипп Парфенович трудами своими добавил страховую контору, ювелирную лавку открыл. Дом в Замоскворечье поставил, выезд-тройку купил, жена тихая и покорная, трех наследников родила, как полагается. Мальчики умными росли, старшего Петра уже к делу приучал. Живи, душа, радуйся на многие годы...

Подняли тост за процветание купеческого сословия. Филипп Парфенович бокал выпил, усы отер, тут скрипки заиграли. Он на сцену оглянулся и окаменел, как молнией сраженный. Поразила его в самую душу, сердце насквозь пробила цыганка молодая, что волнами юбку пускала, плечами поводила и черными бездонными глазами жгла. Филипп Парфенович забыл про все, глазами пожирал ее. Цыганка в пляс пошла, жаром пышет, мониста звенят, заливаются, подолы разноцветные крыльями летают.

Кончился танец, овации разразились, иные господа со стульев вскочили, в ладоши бьют. А Филипп Парфенович шевельнуться не может. Показалось ему, что звезда огромная и яркая вспыхнула и поглотила его. Утонул он в этом сиянии.

Приятели заметили, что с Филиппом Парфеновичем неладное творится, стали толкать, подшучивать. Только он на шутки не отвечает. Примечает, сколько жадных глаз пожирают его цыганку. А она и рада, всем улыбается. Правда, почудилось ему в один миг, что заметила его цыганка и задержала на нем глаза чернющие. Может, было, а может, привиделось. Только с

этой минуты Филипп Парфенович потерял интерес к приятелям и застолью. Одну цыганку слушал. Как заиграла скрипка мелодию печали заветной, махнула она юбками, гордо подняв подбородок, тут и пропал Филипп Парфенович навсегда.

Звали ее Аурик.

Филипп Парфенович каждый день принялся ездить в «Ярь». Официанты его усаживали за стол поближе к сцене. Аурик, когда в зал выходила, мимо него идет, как нарочно рукавом коснется. Филипп Парфенович горел огнем неугасимым, терзался, но в руках себя держал. Так с неделю продолжалось. А потом решился. Подозвал официанта, дал сторублевку, и уж тот готов был душу продать. Филипп Парфенович потребовал, чтобы позвали Аурик в отдельный кабинет, какие при ресторане имелись. Официант обещался исполнить. Филипп Парфенович в кабинет зашел, где стол отдельный стоял накрытый хрусталем и серебром. Сел, стал ждать. Долго ждал. Даже злиться начал. Тут является официант и, глаза потупя, сообщает, что цыганка такая упрямая, никак с ней не сладить: не желает идти в кабинет, а пусть, говорит, барин к ней в сад выйдет. Филипп Парфенович покорно пошел, куда было приказано.

В темноте глаза ее, казалось, горели огнем нездешним. У Филиппа Парфеновича, мужчины крупного, телом крепкого, ноги чуть не подкосились. А она руки в боки и улыбается улыбкой сладостной.

«Чего изволите, барин хороший?» – говорит. Сама искрами сыплет и будто бы подсмеивается над купцом.

У Филиппа Парфеновича горло перехватило, такая красота невозможная, невиданная, что хоть упади перед ней на колени и моли о пощаде. Совсем разум отказал. А цыганке того и надо: учуяла, в каком состоянии почтенный господин пребывает – управляй им, как лошадью, поводья в руках, только погоняй. Такая умная, хоть годков-то не более двадцати.

«Ой, барин, не смотри так, испугаюсь, убегу», – говорит и улыбкою самое сердце Филиппа Парфеновича режет.

Красивым речам он не был обучен, некогда купцам обходительность в себе воспитывать.

«Чего ты хочешь?» – говорит напрямик.

«А что у тебя есть, барин хороший?» – отвечает.

«Да что пожелаешь, у меня ни в чем отказа не будет!»

Она пальчик к губке приложила, зубками кончик прикусила, будто задумалась. Филипп Парфенович этот пальчик готов был целиком скушать. Вместе с ней.

«Разве монисто из золотых монет»...

«Завтра получишь!» – говорит Филипп Парфенович, руки раскинул и к ней двинулся, чтобы задушить в объятиях. Да только Аурик отскочила, стала колючей, как нож цыганский.

«Эй, барин хороший, остынь, а то закричу. Не девка гулящая, чтобы за золото отдаваться!»

Такого поворота Филипп Парфенович не ждал. Но и раззадорился пуще прежнего.

«Чего же ты хочешь, кралечка?»

«Не покупай, а завоей любовь мою! – говорит. – Чтоб полюбила тебя всем сердцем. Иначе подходить не смей».

«Это как же, завоевать?» – спрашивает купец.

«А я почему знаю? Придумай!» – сказала и убежала в темноту.

Филипп Парфенович в раздумьях недолго мучился. Что думать, когда средства есть.

Полгода добивался купец Аурик. И подарки дарил, и наряды, и по Москве на тройке катал, и в Нижний свозил, и в театр, и за городом пикник с музыкой устраивал. Денег не жалел. Ухаживания Аурик принимала благосклонно, только не дала себя и в щечку поцеловать, такая хитрая. Филипп Парфенович от желания сам не свой стал.

И тут под конец декабря, еще до Рождества, когда ему совсем невтерпеж стало, пошел он на штурм. Объявил Аурик, что готов для нее такой подарок, какой ни одна цыганка не полу-

чала. Для этого случая заказан лучший номер в гостинице «Славянский базар». Если опять откажется, то проклянет ее и со свету сживет, а не только из Москвы выгонит со всем табором: в полиции у него друзей много. Аурик смекнула, что тянуть нельзя, ниточка порвется, да и больно захотелось ей подарок невиданный получить. Она и согласилась.

Под вечер Филипп Парфенович привез Аурик в «Славянский базар». Номер огромный, с гостиной, спальней и кабинетом. Весь цветами украшен, на столе – шампанское и угощение. Половые откланялись, Филипп Парфенович вынимает большую коробочку, обшитую бархатом, подает.

«Это мне, что ли?» – цыганка спрашивает.

«Тебе, открывай»...

Аурик крышечку открыла и зажмурилась. Колье брильянтовое с крупными камнями и рубином в виде капли кровавой: красота невероятная, невозможная, не графиням, царицам такое носить.

«Хорош ли подарок?» – спрашивает Филипп Парфенович.

«Так хорош, что и сказать нельзя», – отвечает она, а сама пальчиком камни гладит.

«Примерь, чего ждешь»...

Аурик к нему спинкой поворачивает.

«Помоги расстегнуть», – говорит.

С пуговками Филипп Парфенович возиться не стал, а рванул блузу на части. Аурик и не вздрогнула. Приложила колье на шею, говорит:

«Замочек застегни».

Пальцы у Филиппа Парфеновича не слушались; прикоснувшись к ее шелковой коже, он чуть не укусил нежное плечико, но сдержался, повозился, кое-как справился...

Аурик к нему спиной стоит, голыми плечами поводит. Филипп Парфенович уже сам не свой.

«Хочешь взглянуть на подарок?» – спрашивает она.

Филипп Парфенович едва прохрипел в ответ.

Аурик и повернулась. Без стыда показывая себя в блеске брильянтов.

«Хорошо ли?»

Исторг он рык звериный...

От сонного забытья Филипп Парфенович очнулся на подушке. На часах половина десятого. Аурик спала рядом сном тихим, мирным. Колье не сняла. Во сне свежа и нежна, как купюра новенькая. Филипп Парфенович ощутил голод лютый. Тихо поднявшись, чтобы не разбудить, вышел в гостиную, где на ковре одежда была разбросана. Быстро оделся, облачился в сюртук и, отодвинув штору, спустился через отдельный вход, который специально был подведен к этому номеру, в знаменитый на всю Москву ресторан гостиницы.

Хотел он чуток подкрепить силы, спросил у официанта подбежавшего столик подальше от оркестра. Тихое место имелось, официант повел, но по дороге Филиппа Парфеновича заприметили приятели, что немудрено: в Москве все друг друга знают. Приятели посадили его за стол. Филипп Парфенович выпил рюмку, другую, под закуску пошла третья, а дальше покатилося. Радость, переполнявшая его, требовала того. Радости много было.

Сколько он выпил, не помнил. Вот уже его приятелей в бесчувственном состоянии грузили на извозчиков официанты. Только его крепкий организм смог выдержать до конца. Покачиваясь, пошел он наверх, кое-как одолевая ступеньки, двигаясь без посторонней помощи, от которой отказался.

Проснулся Филипп Парфенович от холодка. Голова не болела, похмельем не страдал, но не мог в точности вспомнить, что случилось после того, как попойка закончилась: кажется,

вошел в номер, свет не зажигал, чтобы не разбудить Аурик, покидал одежду и упал на подушку. Только чувствует сырость какую-то.

Филипп Парфенович руку поднес, видит: выпачкана темным. Что-то липкое и сырое под ним. Вскочил он, побежал к окну и штору отдернул. Ладонь – в чем-то буро-красном. Как и сорочка у ворота. Филипп Парфенович машинально встряхнул ладонь, на подоконник пали бурые капли.

Позвал он Аурик. Цыганка спала тихо, голова на подушке лежит ровно. Филипп Парфенович бросился к кровати, откинул одеяло. Не сразу разобрал, что увидел. Трудно было поверить разуму. Аурик, любовь всей жизни его, лежала прямехонько. Тело ее, прекрасное и молодое, белело на простынях. Чистое и спокойное, как мрамор. А шейку делила глубокая густокрасная полоса. С нее лужа натекала. Не захотел Филипп Парфенович верить в то, что видели глаза. Зажал он рот, но не заметил, как закричал надрывно и беспомощно.

Что же наделал... Как смог... Как... Своими руками...

Хуже всего, что Филипп Парфенович не мог вспомнить, как, когда и зачем убил любовь всей своей жизни. Последнюю любовь...

20 декабря 1893 года, понедельник

1

Такого подвоха Михаил Аркадьевич Эфенбах не ожидал. Уже шесть лет счастливо служа начальником московской сыскной полиции¹, он стал москвичом по образу жизни, так сказать. Не сразу, но привык к неспешному распорядку и неторопливым, обильным обедам посреди присутственного дня, которым чиновники отдавались со всем усердием. Свыкся с тем, что в Москве все знакомы. Даже тот, с кем он был не знаком, оказывался или знакомым знакомого, или на худой конец знакомым друзей знакомого. Он перестал удивляться некоторой простоте, принятой в общении и между чиновниками снизу доверху. Не пугался почти родственного дружелюбия, которое на улице проявляли к нему совершенно незнакомые люди или приказчики в лавках. Научился дышать воздухом, густо насыщенным провинциальной ленцой. Больше не усмехался при обязательных поминаниях древних московских традиций, которым следовали все, кому не лень. И даже принял неписаный закон общения полиции с воровским миром: в Москве давно устоялось такое положение, что полиция благодушно спускала большинство мелких преступлений, совершаемых на Хитровке, Сухаревке и прочих злачных местах, за что воры редко совались в благополучные кварталы и улицы. В общем, полиция и мир воровской соблюдали взаимовыгодный нейтралитет, который висел на тонкой ниточке.

Привычки Эфенбах освоил. Но в душе остался петербуржцем. Что невозможно искоренить. Столица имеет такое свойство, что если человек просто пожил в Петербурге или послужил, до конца дней своих будет петербуржцем. Везде и всегда. А уж в Петербурге Эфенбах отличился по службе, раскрыв несколько громких дел. И даже был лично представлен императору Александру II. Что для людей определенного происхождения было редкой честью.

А потому Михаил Аркадьевич никак не мог отказать «своему» – петербургскому приятелю из Департамента полиции. Приятель мало того что занимал существенную должность, что всегда могло пригодиться, но и просил сущую мелочь – взять к себе на практическое обучение юное дарование. Приятель рекомендовал молодого чиновника полиции как способного, образованного, талантливого, но не имеющего достаточного опыта практической работы. Какого должен набраться в Москве.

Михаил Аркадьевич, недолго думая, согласился.

И если бы знал, во что вляпался.

Юное дарование прибыло две недели назад и уже досадило начальнику сыска так, что Эфенбах не знал, как от него избавиться. Вместо того чтобы получать удовольствия от московской жизни, каких можно найти немало, юный чиновник занялся работой. То есть в самом деле принялся изучать полицейскую практику. Нет, конечно, его за тем и прислали, но надо же и меру знать! А не портить людям обед, требуя все бросить и немедленно расследовать кражу на Кузнецком мосту. Чего ее расследовать, когда и так известно, кому позволено на этой улице озоровать. Напрямик такие тонкости не объяснишь. А понимать намеки юноша отказывался. Мало того, по каждому пустяковому делу, какие скопились в шкафу приемной части сыска, лез с расспросами к Эфенбаху. Чем приводил добродушного Михаила Аркадьевича в уныние и к потере аппетита.

¹ Дорогой мой читатель! Правды ради в примечании должен покаяться. Верное название московского сыска в тот год звучало так: сыскная часть Управления Московской городской полиции. Прости и не суди строго за вольность ради твоего удовольствия. Ведь что за «часть», куда «часть», чего часть? Не понял! А так – сыскная полиция, и все тут. Пусть господа историки зуб не точат. Зуб им еще пригодится! Будет где разойтись.

За окном блестели брильянты снега. Голубое небо горело чистым золотом солнца. В душе Михаила Аркадьевича царил предпраздничная атмосфера, в доме уже стояла наряженная елка, жена и прислуга суетились, заготавливая провизию к рождественскому обеду и подарки детям. Вся Москва окунулась в любимую суету. Даже воровской мир в эти дни почти не безобразничал. Пять дней до великого праздника! Всем хотелось праздновать Рождество, хотелось веселья, застолья и разговения после долгого поста. Всем, кроме одной личности. Михаил Аркадьевич предчувствовал, что радостный настрой, охвативший после семейного завтрака, будет недолгим. Предчувствия не обманули.

В дверь постучали, и, не дожидаясь разрешения, ввалился юный господин из Петербурга. Даже вид его раздражал Эфенбаха. Излишне полный, как перекормленный маменькин сыночек, при этом в теле заметна природная сила. Крепкая шея, светлые волосы и белобрысый чуб, в общем – ничего особенного, смазливая личность, какая нравится барышням. Больше всего Михаила Аркадьевича раздражал взгляд юного чиновника. Он умел как-то так уставиться, будто влезал в голову и самую душу. Удивительно неприятное чувство.

– Позвольте, господин Эфенбах?

Михаил Аркадьевич с удовольствием послал бы юный талант куда подальше, но вместо этого искренне улыбнулся.

– О, рад вас видеть, *раздражающий* друг мой Ванзаров...

Юный чиновник приблизился к столу для совещаний, с мерзким скрипом отодвинул стул, плюхнулся с не менее мерзким скрипом и положил перед собой несколько папок. Михаил Аркадьевич понял, что утро будет испорчено.

– Я изучил незакрытые дела за последние несколько месяцев, – преподнес Ванзаров «приятное» известие.

– Прекрасно, расчудесно, нечего сказать! Где вы их раскопали?

– В шкафу, в приемной части, – ответил Ванзаров.

Эфенбах вспомнил, что давно хотел повесить на дверцу шкафа со старыми делами хоть какой-нибудь замок. И вот пожалуйста! Вот к чему привела нерасторопность.

– Какой *заприметный* глаз у вас, Ванзаров!

Юный чиновник не считал нужным ответить на комплимент.

– Позвольте продолжить? Благодарю... Я просмотрел несколько дел и заметил некоторую последовательность, – продолжил он как ни в чем не бывало.

– Последовательность? Какую же, например?

Ванзаров разложил перед собой папки в ряд, будто раскрыл карты.

– Три дела, странным образом похожие между собой, – сказал он. – В каждом обнаружен схожий сюжет: в гостинице ограблен богатый постоялец. Ограбление произошло после знакомства с дамой и проведения с ней ужина в ресторане гостиницы. При этом все свидетели...

Эфенбах не в силах был терпеть подобную глупость.

– Ванзаров, друг мой раздражающий, а что вы окончили? – резко перебил он.

– Петербургский университет, отделение классических древностей, – будто смутившись, ответил юноша.

– *Разновсякие* Карфагены с Вавилонами?

– Почти: Древняя Греция и Рим.

– Сколько вам лет?

– Двадцать три, – ответил Ванзаров, в смущении добавив себе год.

– Так чего же вы наукой не пользуетесь с вашими неподъемными талантами, а в полицию подались?

Вопрос был поставлен прямо, отвечать на него следовало не менее искренне. И Ванзаров ответил:

– Цель моей жизни – нахождение истины путем расследования преступлений и торжество закона.

– А-а, ну теперь мне все понятно, – удрученно сказал Михаил Аркадьевич. Именно этого он боялся: юноша не только романтически наивен, но еще и честен. Хуже не придумаешь для службы в полиции. Надо принимать срочные меры. Пока чего-нибудь не натворил.

– Так вот, все эти три преступления с точки зрения логики объединяются...

Какая у логики была точка зрения, осталось неизвестным. Эфенбах отстранил рассуждения юноши резким жестом.

– Мой раздражайший друг Ванзаров! – сказал он, бросая на стол канцелярский конверт, появившийся из ящика стола. – Обер-полицмейстер Москвы учредил особый фонд для молодых чиновников полиции. Прошу...

Ванзаров заглянул в конверт.

– Здесь купюра в сто рублей, – сказал он.

– Именно она, кумушка-душенька: сто рублей! – Эфенбах встал из-за стола и придал голосу торжественности. – Эти деньги предназначены на то, чтобы вы досконально изучили практическую часть совершенных преступлений.

Каким образом конверт с крупной ассигнацией оказался в столе начальника сыска, знали только трое: стол, Эфенбах и некий купец, который умело забыл конверт на прощание. Чем избежал мелких неприятностей от полиции. Михаил Аркадьевич взятки не брал, но и не отказывал добрым людям. Как объяснишь московскую тонкость пришлому юноше из Петербурга? Пусть пребывает в иллюзиях.

Ванзаров не спешил пребывать в них.

– Разве такой фонд имеется при московской полиции? – спросил он.

– Как еще имеется! – уверенно ответил Михаил Аркадьевич. – Из своего кармана я столько денег вам не дам.

Аргумент был весомый. Но упрямец не отступал.

– Каким образом эти деньги помогут изучить практическую часть?

Эфенбах вальяжно взмахнул в сторону солнца и голубого неба.

– Прямо немедленно отправляетесь в один из ресторанов, где было совершено возмутительное преступление, и тщательно изучаете обстановку. После чего идете в следующий. И так, пока не исследуете все рестораны, где были возмутительные кражи и будут еще. Полагаю, этих средств вам хватит на десять-пятнадцать заведений. Нельзя сидеть просто так за столом, надо обедать, немного выпить, не привлекая внимания. И осматриваться. Внимательно и зорко!

– Но... – попытался возразить юный чиновник.

Возражения были отвергнуты.

– Не принимаю! – воскликнул Эфенбах. – Это приказ! Исполнять немедленно!

Ванзаров нехотя засунул конверт за отворот сюртука и поднялся, собирая папки.

– Слушаюсь, господин начальник...

– Оставьте дела, оставьте, раздражайший друг мой... И прошу вас: поменьше этого петербургского официоза! У нас тут все по-семейному, – говорил Эфенбах, обнимая Ванзарова за плечи и легонько подталкивая к выходу. – Для вас я запросто – Михаил Аркадьевич, старший коллега...

– Слушаюсь, господин статский советник.

– О, какой вы педант! Так нельзя в такие-то цветущие годы!

Убедившись, что пылливый юноша удалился из приемной части, Эфенбах строжайшим тоном вызвал своих чиновников.

Вся сыскная армия Михаила Аркадьевича состояла из четырех человек. Трое из них явились в кабинет, не ожидая ничего дурного в ясное предпраздничное утро. Самому старшему и

опытному, Лелюхину, было далеко за пятьдесят. Самому молодому, Актаеву, минуло двадцать пять. Между ними на возрастной шкале располагался Кирьяков.

Михаилу Аркадьевичу хватило секунды, чтобы определить благодушие, пропитавшее физиономии его чиновников. Никто из них не горел желанием заниматься розысками. В душе Эфенбах целиком и полностью разделял такой настрой. Но полицейская служба стоит на неизблемом правиле: раз дело вынуто из шкафа и на него обращено внимание, тем более чужого человека, просто так, без последствий оно не может вернуться в любимую пыль. К тому же Михаил Аркадьевич не мог совсем исключить вероятность, что Ванзаров не так прост, как кажется: а что, если петербургский друг из Департамента прислал не новичка, а умного ревизора, который вынюхивает, как обстоят дела в московском сыске? А маска честного простака – только маска?

– Это что такое, господа мои раздражайшие? – сказал Эфенбах, строго постучав по папкам указующим пальцем. – Это как же нам понимать разрешите?

– Так ведь, Михаил Аркадьевич... – начал было Лелюхин. Но не был дослушан.

– Не «так ведь» мне тут сейчас! И не «Михаил Аркадьевич», знаете ли! Изумительно обленились! Почему дела не закрыты?!

Лелюхин принял самую почтительную позу.

– Разрешите доложить, господин начальник?

– Ну конечно, доложи же, Василий Яковлевич, – сразу смягчился Эфенбах.

– Все пострадавшие – *городовые*, – ответил Лелюхин, делая ударения на третьем «о». – Изволили разехаться. Кто в Нижний, кто в Казань, а кто в Киев. Показания с них сняты. Краденое разыскать не представляется возможным. Да с них и не убудет: богатые купцы. Московский налог, так сказать...

Кирьяков и Актаев улыбнулись тонкой шутке, понятной между своими.

Эфенбах машинально кивнул, соглашаясь, но тут же дернул подбородком.

– И что с того, что они *городовые*? – возмущенно сказал он, правильно произнося московское словцо, означавшее всех приезжих. – Дела должны быть расследованы и закрыты как полагается. А не отговорки эти ваши! Я вас научу, с какого угла кулебяку заворачивать...

И Михаил Аркадьевич принялся «бушевать». Чиновники взирали на его молнии с добродушным пониманием, давно привыкнув, что начальник обходился с русским языком, особенно с поговорицами, как ему вздумается. Да и вообще «бушевал» он довольно артистично и ярко.

– Это до какого же *бездельства* мы дошли? Кто дела будет расследовать? Пушкин?! Кстати, а где Алексей? – тут только Эфенбах заметил, что в рядах чиновников есть пробел. – Где Пушкин?! Это который час его нет?!

– Спит, наверно, – ответил Кирьяков. – Он личность неторопливая.

– *Незамедленно* сюда! – закричал Эфенбах вполне грозно и немного страшно.

– Ванечка, а ну-ка, поищи пропажу, – сказал Лелюхин, легонько толкнув молодого.

Уговаривать не пришлось. Актаев, самый молодой чиновник, побежал на первый этаж полицейского дома.

2

Тройка так резво вывернула из-за поворота, что пассажиры, накрытые меховой накидкой, имели все шансы вылететь в сугроб. Но остались целы и невредимы. Мастерство извозчика, называемого в обеих столицах *лихачом*, стоило недешево. Как и холеные лошади, с бубенцами, запряженные в ладные сани. Лихач на всем скаку взял вожжи, тройка встала, подняв копытами бурю снега. Пассажиров бросило вперед, но накидка уберегла. В Гнездиновском переулке у дома обер-полицмейстера Москвы, куда прискакала тройка, было пусто. Если не считать горо-

дового, который топтался у входа. И старательно не замечал, кто это с утра пораньше подъехал с шиком.

Медвежья шкура укрывала парочку. Дама в соболиной шапочке и полушубке была в том возрасте, когда женщина должна удерживать на лице красоту на все оставшиеся годы. Прикладывая для этого невероятные усилия и пуды косметики. Судя по крупным брильянтовым серьгам, дама могла позволить себе бороться за красоту до победного конца. Она была богата и не стеснялась своего богатства. Рядом с ней кое-как уместился господин скромного вида. На нем было строгое пальто, правда хорошего английского сукна, и теплая шляпа. Он казался моложе спутницы, что было чистой правдой. Лицо его, гладко выбритое, если не считать аккуратно подстриженных усов, не имело ярких черт, какие запоминаются. Его локоть был схвачен капканом женских перчаток, в которых таились довольно сильные ручки. Дама крепко прижалась к мужскому плечу.

– Алексей, – сказала она томно-капризно. – Я не знаю, как прожить эти дни!

Городовой старательно рассматривал небо и крыши. Он прятал ухмылку, чего нельзя было не заметить.

– Ангелина, дорогая, всего лишь три недели, – ответил Алексей, стараясь мягко вырваться, что ему не удалось.

– Ах, какая глупость соблюдать эти традиции! – обиженно воскликнула дама. – Конец девятнадцатого века, а мы живем по заветам прадедов! Ну кто придумал, что в пост и на Святки нельзя венчаться?! Какая глупость!

Алексей мягко сорвал цепкие ручки и даже смог сдвинуться к краю саней.

– Прости, мне пора, дорогая.

Дама не собиралась отступать.

– Поцелуй меня, – прошептала она, подставляя сочные, яркие губы.

– Ангелина, здесь улица, люди. Это невозможно...

– Кому какое дело, – она тянулась к его губам. – Поцелуй меня.

Городовой чуть не давился смехом. Алексей напряженно отвел голову.

– Это неприлично, прости.

Губки, ждавшие поцелуя, скривились. Ангелина стукнула кулачком по его плечу.

– Фу, какой ты правильный. Ну, иди, иди на свою мерзкую службу, которая тебе дороже меня, – и она толчками выгнала его из саней. Что Пушкин принял с облегчением. Строго, как полагается, поклонился и торопливо пошел к входным дверям. Городовой отмашкой отдал честь.

– Здравьжелаю, вашбродь, – пробурчал он, стараясь не ухмыляться.

– Доброе утро, Востриков. Вот двоюродная сестра подвезла.

Городовой понимающе кивнул: двоюродная сестра – дело понятное. И вежливо открыл дверь.

Извозчик, молодой парень, холеный, как его лошади, обернулся к пассажирке.

– Куда прикажете, барыня?

Ангелина откинулась на спинку саней и сладко потянулась.

– Куда хочешь, милый. Туда, где весело.

– Изволите в «Славянский базар»? – тут же спросил извозчик.

– Ах, гони! Только чтобы с посвистом и сердце зашло.

– Не извольте беспокоиться! Дело знаем, – извозчик шаловливо подмигнул даме, чем сильно ее позабавил.

Кони взяли резво, сани вихрем полетели по накатанному снегу под бубенчики и покрик возницы. Городовой неодобрительно глянул им вслед, да и только.

Дом обер-полицмейстера походил на слоеный пирог. Сам полицейский хозяин Москвы Власовский располагался на втором этаже, где находились его канцелярия, приемная, кабинет

и частные покои. Под ним, на первом этаже, размещался адресный стол города, с множеством справочных столов, разумеется. Сыскная полиция ютилась на третьем этаже. Места у сыска было мало, кабинет Эфенбаха и приемное отделение умещались в трех комнатах.

Алексей вошел в приемную часть адресного стола и уже повернул к лестнице, когда перед ним возник благообразный господин, который сорвал шляпу и прижал ее к груди.

– Прошу прощения, как мне попасть в сыскную полицию?

Говорил он столь приятно, а вид имел столь печальный, что невозможно было пройти мимо.

– На третий этаж, – ответил Алексей. – Вас ограбили?

Приятный господин искренне удивился:

– Как же угадали?!

– Убитому прийти затруднительно.

Жертва ограбления пристально взгляделась в незнакомое лицо, явно имеющее отношение к полиции.

– Прошу простить, с кем имею честь?

– Чиновник сыскной полиции Пушкин...

– Какое счастье! Какая удача! Я так сразу понял, что вы сыщик! – господин схватил ладонь Пушкина и принялся ее трясти, но быстро опомнился. – Прошу простить... Чиновник городской управы Улюляев... Имею честь заниматься городскими тротуарами.

По тому, в каком состоянии пребывали в Москве тротуары, господина чиновника следовало без разговоров засадить за решетку. Но времена стали мягкие, либеральные. Да и когда в России чиновников сажали за плохие тротуары? Вероятно, ожидать таких чудес следует лет через сто, сто пятьдесят, не раньше.

– Отчего не обратились в участок? – спросил Пушкин, чтобы не вспоминать, как вчера чудом не сломал ногу, оступившись в яму посреди Большой Никитской улицы.

– Как не обратиться, первым делом! – отвечал Улюляев, старательно нажимая на жалость и сострадание. – Послал за приставом Городского² участка.

– Что же господин Свешников не изволил явиться?

– Сам удивляюсь! Велел передать с городовым, что дело столь таинственное, что ему не справиться, надо прямо в сыскную, – чиновник только руками развел: дескать, пусть я и жертва, но не простая, а... очень даже непростая.

– Скромность украшает нашу полицию, – сказал Пушкин, пропуская Улюляева в дверь. – При случае передам господину Свешникову благодарность.

Ловкость пристава вызвала восхищение. Городская полиция обязана прибыть на место преступления и приложить все усилия к раскрытию по горячим следам. Только в случае неудачи и невозможности сразу поймать преступника следовало вызывать сыскную. Пристав Свешников решил не тратить время попусту: кому охота разбираться с безнадежной кражей в канун праздника.

Пушкин предложил пройти за ближайший стол. Спасаясь от тесноты, чиновники сыска частенько спускались сюда и снимали допросы в адресном столе. В этом не было ничего необычного. Как и в истории господина Улюляева, которую тот терпеливо изложил.

Прошлый вечер он проводил в ресторане гостиницы «Дюссо». Улюляеву было одиноко. А тут как раз заметил роскошную даму, у которой не было спутника. Она стояла и осматривала зал ресторана. Улюляев набрался храбрости и первым подошел к ней, опередив других одиноких мужчин. Дама была ослепительно хороша. И согласилась разделить ужин с чиновником городской управы. Улюляев заказал шампанского, вечер расцвел соблазнительными надеждами. Он уже прикидывал, как снимет номер и как проведет незабываемую ночь с такой

² Городской участок – один из участков 14 полицейских частей, на которые была разделена Москва.

красоткой. Кажется, дама была не прочь отдаться внезапно разгоревшейся страсти. Ужин подходил к концу, Улюляев нежно целовал ее ручку в перчатке, даже позволил себе чуть продвинуться губами выше дозволенного. Но тут даме потребовалось выйти, и Улюляев остался ждать, сдерживая буйные фантазии.

Ждал он довольно долго. Когда прошел час, а дама не явилась, пошел искать. Оказалось, что она исчезла. Когда же Улюляеву предложили расплатиться за ужин и шампанское, он обнаружил пропажу портмоне. Обронить не мог, как и не мог понять, когда его обокрали.

Пушкин выслушал не перебивая. Лишь проводил глазами Ванзарова, который спустился по лестнице в странно-печальном виде. Юноша прошел мимо, даже не кивнув.

– Как она себя назвала?

– Баронесса фон Шталь, – сказал Улюляев с такой гордостью, будто хотел намекнуть: уж если его обокрали, то не просто уличная воровка, а воровка-баронесса!

На столе появился блокнот, перетянутый черной резинкой, какие художники используют для эскизов. Пушкин перекинул несколько страниц и показал карандашный рисунок женщины с кудрявыми волосами.

– Взгляните. Похожа?

Улюляев прищурился и уверенно подтвердил: не она. Ничем не похожа. Пушкин перекинул лист и показал новый портрет, а за ним еще рисунок. Никого пострадавший не узнал. Что Пушкина не удивило.

– Попробуйте описать вашу баронессу, – сказал он, изготовив карандаш с остро отточенным грифелем в металлической капсуле.

Немного задумавшись, Улюляев принялся в превосходных степенях описывать женскую красоту. Что трудно и даже бесполезно. Красота имеет свойство исчезать в словах: смотришь – вот она. А начнешь рассказывать – вроде бы то, а вроде бы и не то. Пушкин рисовал быстро, как будто не прислушиваясь. Улюляев еще не закончил, а ему уже показали эскиз.

– Взгляните, похожа?

Улюляев даже охнул от удивления:

– Поразительно! Это она! Как вам удалось так точно понять?

Пушкин убрал блокнот и встал:

– Значит, волосы у нее были собраны в сложную конструкцию с цветами.

– Именно так! – Улюляев глядел на него с такой надеждой, будто чиновник сыска сейчас сходит в ближайшую камеру и приведет воровку. С украденным портмоне.

Чуда не случилось. В полиции чудеса случаются редко. Пострадавшему было обещано приложить все силы для розыска. Когда появятся новости, ему непременно сообщат. С чем Улюляев и удалился, вполне довольный. Как раз когда с лестницы, прыгая через ступеньки, скатился Акаев, чуть не налетев на Пушкина.

– Алексей, какая удача! – выдохнул он. – Бах вас требует.

Младший чиновник позволил себе назвать Эфенбаха по-свойски. Что говорило скорее о дружелюбном отношении, чем о дерзости.

– Бушует?

– По обычаю, – согласил Акаев.

– Кулебяку заворачивает?

– Пошло дело...

– Тогда поспешим со всех ног.

Пушкин стал неторопливо одолевать ступеньки, ведущие наверх, к сыску. Акаеву осталось только следовать за ним. Хотя ноги его рвались вперед.

3

Неприятности, особенно мелкие, имеют свойство возникать некстати. А неприятности портье Сандалову были не нужны. Хоть при гостинице служил второй десяток лет, за место держался, как за верную жену. Где еще найдешь такое в Москве. Место преобразило поджарого юношу в дородного господина с бычьей шеей, похожего на постояльцев – купцов и состоятельных господ. Место давало почет и уважение от дворника доходного дома, в котором Сандалов снимал квартиру, до городского, стоявшего постом на Никольской улице. Ну, и неплохо кормило, как же иначе. На черный день и выход на пенсию у Сандалова была накоплена толстая пачка ассигнаций и подкуплен домик в Клину, с садом и огородом. Портье «Славянского базара» дорогого стоит.

Гостиница многие годы имела твердую репутацию места, в котором не стыдно остановиться почтенному человеку, приехавшему по делам торговым и прочим в Белокаменную хоть из Тамбова, хоть из Саратова. Не стеснялись брать номера и почетные господа: генералы, аристократы и заезжие музыкальные звезды. Даже капризные иностранцы не брезговали здесь останавливаться, и в холле всегда лежали английские, немецкие и французские свежие газеты за прошлую неделю. В гостинице уже имелось электрическое освещение, а в номерах, особенно лучших, стояла модная диковинка – ванна с краном горячей воды. Обслуга была вышколена, как во дворце.

Этому раю гостеприимства фигура портье была не менее важна, чем дирижер в оркестре. Сандалов не только первым встречал гостей, но манерами и обхождением давал понять, что для дорогого гостя готовы расшибиться в лепешку. Особенно если не жалеть чаевых. У гостей часто бывали желания, про какие говорить принято намеками. Сандалов научился понимать намеки с полувзгляда, а гости всегда получали то, чего желали. Ибо желали почти всегда одного и того же. За что мудрый портье получал изрядно. При этом приличия соблюдались строго, и, если из номеров раздавался женский визг, на тот случай у половых всегда было плохо со слухом. Доставить удовольствие гостю – дело чести гостиницы.

Но вчера Сандалов допустил промашку. Не то чтобы ошибка была роковой, скорее мелкой и пустяковой. Как часто бывает, польстился на хороший куш. Всем раздобревшим телом Сандалов чуял, что дело поворачивает неизвестно куда.

Причина тайного беспокойства стояла на виду у всех. Дама в меховой накидке, с рукавами-барашками по последней моде, держалась невдалеке от стойки портье и явно кого-то ждала. Сандалов знал, кого именно она ждет. И хотел только одного: чтобы поскорее убралась и не мозолила глаза. На нее, как нарочно, обращал внимание каждый проходивший мужчина, хотя ее лицо скрывала черная вуалетка и его контуры лишь угадывались. От дамы исходили невидимые, но ощутимые флюиды, на которые не может не отозваться мужское сердце. В ней не было ничего вызывающего. Скорее наоборот: роста среднего, не выше и не ниже, чем прилично даме, фигурка довольно стройная, но без выдающихся форм. Более худощава, чем предпочитает купеческий вкус. Однако купцы-то как раз и пялились. Кое-кто норовил познакомиться. Дама молча отвернулась, этого оказалось достаточно, чтобы пресечь назойливое знакомство.

Стоя в нижнем холле так, чтобы видеть лестницу, она посматривала на часики, которые прятала в меховой муфте. Гостя, сходявшего по ступенькам, встречала легким поворотом головки и отворачивалась. Так продолжалось с полчаса. Сандалов еще надеялся, что дама уйдет. Надежда подвела. Дама, оглядываясь на лестницу, приблизилась к его конторке. Сандалов обязан был вывесить дежурную улыбку, спросив, что ей угодно.

Дама приподняла вуалетку, Сандалов невольно потупился. Взгляд, мягкий и вкрадчивый, незаметно подтолкнул его совершить глупость.

– Любезный, когда постояльцы имеют обыкновение спускаться к завтраку? – спросила дама.

Слова означали несколько иное. Сандалов прекрасно понял, чего хочет дама. Она задавала другой вопрос: «Друг любезный, это как же понимать?» Портье и сам не знал ответа. Предстояло выпутываться из этой неприятности. А то, что неприятность случилась, Сандалов нюхом учуял. Для начала он отправил с поручениями двух мальчишек-посыльных, которые вертели у него за спиной. И огляделся, чтобы чужое ухо не оказалось поблизости.

– Сам не пойму, – тихо проговорил он.

– Можно ждать до вечера, – мягко сказала дама, листая французский журнал, попавшийся под руку.

Сандалову стало неуютно, будто в ботинок попал гвоздь, который не вынуть.

– Но что я могу сделать?

– Самое простое, – сказала дама, ласково взглянув исподлобья.

Намек портье понял. Милая дама держала невидимыми, но стальными рукавицами. Сандалов невольно ощущал ее хватку.

– Нет... Нет... – одними губами произнес он. И снова повторил: – Нет... Это решительно невозможно...

– Почему же невозможно? Что в этом такого? – спросили его.

– Но... Но... – Сандалов пытался найти весомую причину. – Это не принято у нас в гостинице... У нас строгие правила...

Дама захлопнула журнал так резко, что Сандалов вздрогнул, а с пера ручки брызнула клякса прямо на список постояльцев.

– Ах вот как? Значит, правила? И такие строгие? Как это мило...

Дама сумела в интонации дать понять все, что может с ним сделать.

– Посмотрю, что можно предпринять, – сказал Сандалов, пытаясь стереть кляксу, но только больше размазывая.

– Как это мило с вашей стороны, господин портье. Я подожду.

Совсем загнала в угол.

– У нас прекрасный ресторан, не изволите позавтракать? – с натянутой улыбкой проговорил он.

– Как раз голодна, – сказала дама, опуская вуалетку. – Не буду вам мешать, господин портье, у вас так много важных обязанностей. Где вход?

Портье указал, куда пройти, чтобы попасть в гардеробную ресторана.

– Так я не прощаюсь, – сказала дама, слегка кивнув.

– Непременно дам знать.

Дама шла такой походкой, на какую не может не обернуться ни один мужчина. Только Сандалову было не до волнующих прелестей женской фигуры. Он подозвал младшего портье, приказал побыть за него, а сам отправился на лестницу. Сандалов шел на второй этаж, как школяр к доске: урок не выучен, а отвечать придется. Нехорошее какое-то чувство бредило его душу. Нечто похожее на дурное предчувствие.

4

– Ага, вот и он, супчик-пряничек! – воскликнул Эфенбах и плюхнулся в кресло с таким видом, как будто угадал на скачках три заезда подряд. – Явился не *зашалялся*!

Пушкин старательно подавил зевок и повел головой, как будто отлежал шею. Поздоровался за руку с Лелюхиным, кивнул Кирыякову и скромно уселся во главе стола. Прямо напротив грозного начальника.

– Утро чудесное, господа, – сказал он, прикрывая ладошкой зевающий рот. – Спится сладко, как в детстве.

– Нет, ну это просто изумительная наглость, – сказал Михаил Аркадьевич с внезапной улыбкой. – В тот час, когда мы трудимся не покладая голов своих, наш милый Пушкин изволит спать и видеть сны!

Кирьяков преданно хмыкнул шутке начальника.

– И сны полезные, если не сказать пророческие, – ответил Пушкин.

– А, так это совсем другое дело! Что же сразу не сказали!

Эфенбах сиял добродушием. Никто не улыбался – чиновники слишком хорошо знали, что последует дальше. И это случилось. Михаил Аркадьевич вскочил, как жалом пораженный, и принялся вышагивать по тесному кабинету, громя в пух и прах лень и беспечность чиновника Пушкина. Наслаждаясь громом своего голоса, он мало следил за речью, а потому вскоре стало трудно понимать точный смысл извергаемых ругательств. Тем более что слова Михаил Аркадьевич умудрялся использовать витиевато – понять его можно было только с «русско-эфенбховским» словарем, но такого пока не имелось.

Грозу Пушкин терпел с удивительным спокойствием, если не сказать равнодушием. Не слушая, в чем его обвиняли и чем советовали заниматься в этой жизни, он рассматривал стены. Там было на что посмотреть.

Давняя традиция увешивать кабинет не только обязательными портретами царствующих особ и торжественными фотографиями у Эфенбаха обрела невероятные формы. Меж рамками не видно было обоев. Михаил Аркадьевич так плотно завешал стены снимками, как не найдешь в салоне фотографа. В удивительной смеси попадались лошади, родственники, пейзажи, памятные даты, пароходы, виды Неаполя и герои Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Их было так много, что при каждом осмотре открывались новые. Среди ковра картинок взгляд заметил одну, которую до сих пор Пушкин не замечал. Чуть правее и выше портрета государя висела рамка с народным лубком. Лихой витязь на коне с копьем наперевес атаковал дракона. Над ним висела лента с загадочной надписью: *«Государь-ампиратор Иоанн Василыч Грозный, человек справедливый, но сурьезный»*. Смысл девиза был столь глубок, что Пушкин, размышляя над ним, не заметил, как кончилась гроза.

Михаил Аркадьевич выдохся и стал прежним: в меру мягким и свойским.

– Алексей, тебе не стыдно?

– Нет, не стыдно, – сказал Пушкин и нарочно зевнул.

На него безнадежно махнули рукой.

– Вот, господа, ну что поделаться с такой безобразной ленью? – спросил Эфенбах, обводя взглядом своих подчиненных. Каждый из чиновников имел на этот счет свое мнение. Особенно Акаев, который не мог понять, для чего Пушкин не скажет правду.

Настал момент, когда пора было идти на мировую.

– Михаил Аркадьевич, вам не любопытно узнать мой вещий сон?

Эфенбах в печали подпер щеку.

– И что же тебе привиделось?

– Преступление, которое случится. Произойдет сегодня. Или завтра.

Несмотря на мелкие странности, а у кого их нет, Михаил Аркадьевич был человек умный, умел отличать, когда ему хотят сказать нечто важное.

– Неужели? – сказал он без всякой иронии. – Какое именно?

– Будет ограблен очередной, пятый по счету состоятельный господин, – ответил Пушкин. – Я знаю... Точнее, могу предположить, где это случится.

– Какой пятый господин? – не до конца понял Эфенбах.

– Очередное ограбление из разряда тех дел, что так старательно прикрывает локтями Василий Яковлевич, – Пушкин кивнул на Лелюхина, который сидел с невозмутимым видом.

Нюх полицейского никогда не подводил Михаила Аркадьевича. Он почуял, что ему подносят нечто важное.

– Каким образом... – начал он и осекся: – Нет, позвольте... А почему пятый ограбленный? У нас же три дела.

Дверь с грохотом распахнулась, в кабинет ворвался господин невысокого роста, невзрачный, сухощавый, с седыми усами и, как говорили, «с какого-то черного цвета гарнизонной физиономией», в полицейской форме и погонах полковника. Появление его заставило чиновников встать, а Эфенбаха замереть по стойке «смирно».

– Господа, беда! – страшным шепотом сообщили им вместо приветствия.

В воздухе зазвенела струна, которая всегда звенит в самый неподходящий момент. Никто не знал, что случилось, но каждый наверняка мог предсказать, что в этот миг тихое предпраздничное течение жизни закончилось. О нем можно забыть. Теперь начнется та самая суматоха, какая порой случается в полиции по делу или на всякий случай, чтобы показать высокому начальству радение и старание. Что случилось, неизвестно, но радостям конец. Это и пропела невидимая струна.

Такое приятное известие мог принести только один человек: обер-полицмейстер Москвы, беспощадный хозяин улиц Александр Александрович Власовский. Ближайшее будущее не сулило сыскной полиции ничего хорошего.

5

Ступая по мраморной лестнице, покрытой мягким ковром, к четвертому, самому лучшему номеру, Сандалов отгонял дурное предчувствие тем, что выбирал причину, по которой осмелился беспокоить важного постояльца. Надо подать так, что портье лично беспокоится: нельзя ли чем услужить, исполнить какое желание и вообще сделать пребывание в «Славянском базаре» незабываемым и восхитительным? Не может обидеть гостя проявление трепетной заботы. Только одна загвоздка: нельзя же сказать напрямик «вас там дама дожидается». Тут надо умно зайти. Сандалов прикинул, что гость новый, а потому резонно напомнить о завтраках в ресторане, знаменитых на всю Москву и прочие города империи, куда разъезжались купцы, отведавшие их.

Сандалов одернул сюртук, поправил идеально завязанный галстук и пригладил не менее идеальный пробор в волосах. Усы портье не полагались. Чуть замахнувшись согнутым пальцем, Сандалов постучал нежнейше и вежливо. Выждав, сколько было пристойно, постучал еще. И, собравшись с духом, – в третий раз. В номере было тихо. Оглянувшись в оба конца коридора, Сандалов приложил ухо к дверному полотну. В номере определенно было тихо. Портье улавливал какие-то шорохи вроде шипения, но не был уверен, что это обман слуха или кровь бежит по сосудам. Конечно, постоялец мог спать так глубоко, что не слышал стуков. Только время для утреннего сна не вполне подходящее.

Тревога обратилась настоящим беспокойством. По-доброму, Сандалову следовало спуститься вниз, встать за конторку и сделать вид, что ничего не знает. Вот только возвращаться было нельзя. Дама посидит-посидит в ресторане и вернется за ответом. И что ей скажешь? Из двух зол предстояло выбрать меньшее.

Как раз к случаю пробегал коридорный. Сандалов затребовал отчет о постояльце. Коридорный ничего не мог сказать определенного: господин из четвертого не вызывал, никаких приказаний от него не было. Как заехал, так больше его не видели. Ни шума, ни жалоб от соседей. Отдыхает от трудов, отсыпается. Не иначе.

За много лет изучив гостей вдоль и поперек, Сандалов плохо верил, что мужчина не больной и богатый будет просыпать в Москве такую сказочную погоду. Дел, что ли, у него нет? Да хоть по магазинам Кузнецкого моста бегать и закупать подарки родным. Обычно приезжие

торопятся туда-сюда, не понимая размеренного течения московской жизни. В «Славянском базаре» спится, конечно, сладко, но не до такого часа.

– Ключ запасной есть? – тихо спросил Сандалов.

Коридорный выразил удивление: имеется, да только с чего он сдался? Вступать в пререкания Сандалов не собирался. Приказал: сбегать за ключом и сразу назад. Коридорный кинулся выполнять приказание. Сандалову очень не хотелось, чтобы кто-то случайно заметил его топчущимся у двери номера. Он принялся прохаживаться по коридору, как будто проверял порядок.

Из дальнего, двенадцатого номера вышел моложавый господин с пропитым лицом и неопрятно одетый, который не заметил поклон портье и прошел мимо, обдав сивушным духом. Сандалов по привычке, не задумываясь, оценил гостя: не старше тридцати, деньги водятся, любит погулять, не чиновник, не служит, – или ренту имеет, или наследство получил. Зачем он оценивал людей, Сандалов сказать не мог, так – развлечение. Для его должности полезное: жулика или проходимца на глаз определишь.

Коридорный вернулся с ключом. Сандалов, заложив руки за спину, приказал ему открывать. Окончательно удивившись, коридорный вставил ключ в замок и нажал.

– Дверь, изволите видеть, не заперта-с.

Такое простое обстоятельство отчего-то сильно разозлило Сандалова.

– Чего ждешь, загляни!

– Это разве можно-с... Такое беспокойство-с... – коридорный отступил.

Сердце портье билось в панике. С комедией надо было заканчивать. Сандалов решительно дернул дверь.

– Пошел вперед! – скомандовал он.

Деваться коридорному было некуда. Немного нагнувшись, будто ему в голову могли кинуть чем-то тяжелым, он шагнул через порог.

– Прощения просим-с... Позвольте-с?

На вежливое обращение ответа не последовало. Сандалов подтолкнул его в спину. Сам остался снаружи. Коридорный углубился в номер.

«Что-то будет», – только и промелькнула у портье мысль, когда из номера раздался протяжный визг. Коридорный, здоровый ярославец, выскочил с перекошенным от страха лицом. Руку, которой указывал в дверной проем, била мелкая дрожь.

– Там... Там... Там... – только и мог повторять он.

«Вот оно!» – пронеслось в сознании Сандалова. Он еще не знал, что случилось и что так напугало коридорного. Но почему-то был уверен, что попался основательно. Еще неизвестно, чем кончится, – в лучшем случае он лишится места. А то и того хуже... Нельзя было слушать речи сладкие, ой нельзя... Только теперь поздно. Насквозь ее видел, а все равно – поддался. Как наваждение. Что теперь будет?..

– Там... Там... – Коридорный привалился к стене и не мог вздохнуть, пока не выжал из себя: – Опять!

6

Обер-полицмейстера Власовского боялись, но уважали. О нем ходили сплетни удивительные. Говорили, что по ночам, хоть в два, хоть в три, хоть в четыре часа, он разъезжает по московским улицам и, если где встретит заснувшего на посту городского, устраивает немедленно расправу и люто казнит: охаживает по физиономии кулаком, а наутро выгоняет со службы. Такая же расправа, шептались, случается с дворником, если улица перед домом нечисто выметена. Говорили, что Власовский вообще не спит, а все время посвящает службе или носится в разъездах по городу на великолепной паре с пристяжной. Семьи и жены у него нет,

обед ему доставляют прямо в кабинет из ресторана «Эрмитаж». Говорили, что он может выпить ведро коньяку и даже не захмелеть. Ну а повторять совсем уж фантастические слухи будет бессовестно.

Как ни бранили Власовского и ни смеялись над ним, но горожане отмечали, что с его воцарением на улицах порядку прибавилось. Отдельные недостатки имелись, но дело шло куда как чище, чем у его предшественника. Правда, порядок на кулаке держится до тех пор, пока кулак крепок. Стоит ему ослабнуть или размякнуть – все, пиши пропало. Вернется, как было.

Любой полицейский Москвы старался как можно реже попадать на глаза обер-полицмейстеру. Только сыскной полиции деваться было некуда: они сидели буквально у него над головой. Хотя его визиты случались не часто. Сказать по правде, их вообще не было. Власовский вызывал Эфенбаха к себе и там снимал три шкуры. Или хвалил, смотря по обстоятельствам. Но если явился сам, с утра пораньше, – значит, дело исключительное. Это понимал каждый чиновник сыска.

Власовский оперся руками о край стола, как будто ему предстояло решение невероятной тяжести, и обвел подчиненных таким пристальным взглядом, от которого нехорошо заныло в животе. У Кирьякова – точно. Тишина в кабинете стояла исключительная. Никто не смел шелохнуться.

– Господа, – наконец проговорил он трагическим тоном. – В наш любимый город, в нашу дорогую Москву пришла беда...

Эфенбах не смел глазами повести. И никто не рискнул обменяться переглядами.

– Беда, – повторил Власовский так, что чиновники занервничали не на шутку. Никто не мог понять, что так огорчило обер-полицмейстера. Дел серьезней убийства купца по ревности не случалось. Оставалось ждать, что последует. Вопросов Власовский не любил.

– Беда пришла, откуда не ждали, – продолжил он, выпрямившись и заложив руку за отворот кителя. – Из столицы пришла, из Петербурга...

Обер-полицмейстер преданно смотрел на портрет императора, будто ища у государя поддержки и опоры в трудную минуту и в то же время спрашивая: «Ну как же так?! Как ты допустил такое?!» Ну и еще что-то такое лично спрашивал у него. Император молчал и смотрел в даль будущего империи.

Эфенбах, отличаясь редким чутьем к настроению начальства, ждал, терпеливо ждал. Наконец Власовский насытился неслышным диалогом с императором и обратил внимание на живых подчиненных.

– Господа, – сказал он проникновенно и строго. – Мне донесли из Петербурга совершенно верные сведения, что в Москву прибудет, если уже не прибыла, мерзкая тварь, воровка и аферистка, более известная как Королева брильянтов. Эта смутьянка и разбойница непременно хочет испортить празднование Рождества, чтобы грабить и обманывать честных людей московских. Этому безобразию мы должны положить конец. Воровка должна быть поймана и примерно наказана. Место ей не на наших улицах, а в сибирке³. Господа, рассчитываю на ваше старание. Мерзавка должна быть отловлена до Рождества. У вас четверо суток. Михаил Аркадьевич, на вас личная ответственность возложена. Докладывать мне каждый день, как продвигается дело.

– Слушаюсь! – гаркнул Эфенбах. От напряженного молчания голос его дал изрядного петуха. Вышло не так браво, как хотелось. Власовский удовлетворенно кивнул.

– На вас на всех, господа, рассчитываю, – сказал он, весомо помахав указательным пальцем. – Московский сыск должен показать... И утереть нос этим столичным петербургским, которые до сих пор не схватили эту пресловутую «королеву».

– Утром! – куда более грозно пообещал Эфенбах.

³ Одиночная камера.

Власовскому такое старание пришлось по душе. Он одобрительно кивнул.

– И помните: четыре дня...

Эфенбах провожал обер-полицмейстера, заверяя, что беспокоиться нечего: можно считать, что Королева брильянтов уже за решеткой, ох, зря она сунулась в Москву.

Михаил Аркадьевич вернулся не в таком уж боевом настрое. Вернее сказать, был слегка растерян. Актаев плотно закрыл дверь, чиновники уселись рядышком. Обиды и раздоры были забыты. Беда объединила. Все понимали, что ситуация паршивая, дальше некуда. Как из нее выпутываться – непонятно.

Эфенбах обвел взглядом свою притихшую армию.

– Ну, раздражайшие мои сыщики, что делать будем?

– Да, дела-делишки, – хмыкнув, сказал Лелюхин. – Вот уж сказочная задачка.

– Хуже, чем сказочная, – согласился Кирыяков. – Как поймашь?

Актаев очень хотел вернуть что-нибудь умное, но по малости опыта только строго нахмурился.

– Говорят, певица, испанская знаменитость Отеро, скоро на гастроль к нам приедет, так вот ее-то Королевой брильянтов величают. Брильянтов у нее видимо-невидимо, вся увешана, – продолжил Лелюхин.

– Ее за решетку не посадишь, – сказал Кирыяков.

– Дело непростое...

– А еще, господа, Марию-Антуанетту, ту, что на плахе французский народ головы лишил, – со вкусом продолжил Кирыяков, – как раз прозывали Королевой брильянтов на том основании, что...

– Да о чем вы, раздражайший мой?! – заметил Михаил Аркадьевич.

– ...У нее было ожерелье в семнадцать брильянтов чистейших величиной с орех, еще три грушевидными каплями, сотня мелких на трех лентах, и еще...

– Может, там, – Лелюхин указал в потолок, – малость напутали?

– Там, – повторил жест Эфенбах, – не путают! Уж вляпались в кисель, так за уши не вытащить.

Растерянность сыска легко объяснима. Тот, кто сообщил обер-полицмейстеру важные сведения, забыл уточнить маленькую деталь: Королевы брильянтов не было. Вернее, был миф о великой аферистке, которая удачно грабит богатых господ в разных городах, при этом остается настолько неуловимой, что ее не то что ни разу не поймала полиция, но даже портрета или описания Королевы не существовало. Все четыре сыскные полиции империи, в Петербурге, Москве, Киеве и Одессе, знали этот миф, под который удобно подгонять нераскрытые дела. Чем безнаказанно пользовались. Только Власовскому объяснить это невозможно. Он будет уверен, что из него пытаются сделать дурака. Со всеми неизбежными последствиями. Теперь в дураках оказался московский сыск. Во главе со статским советником Эфенбахом.

– Как ловить? Где ловить? Кто ловить будет, Пушкин? – обреченно спросил Михаил Аркадьевич, не требуя никакого ответа и в кои веки правильно используя поговорку. Про себя он подумал, что въедливость в дела юноши Ванзарова и столь дикая информация, доложенная прямо обер-полицмейстеру, быть может, звенья одной цепи. Уж не копает ли под него друг из Департамента? В полиции всякое случается.

– Поймать можно, – отозвался Пушкин, не забыв при этом зевнуть.

Все взгляды обратились к нему. Даже Актаев вытянул шею, чтобы лучше видеть.

– И как же? Волшебным сачком будете ловить привидение?

Пушкин затребовал из шкафа карту Москвы.

Стеклянный купол ресторана уходил под небеса, откуда свешивались титанического вида люстры с цветочными плафонами. Этого было достаточно, чтобы произвести на провинциального купца неизгладимое впечатление. «Славянский базар» имел в запасе много чудес. По анфиладе на высоте примерно третьего этажа цепочкой были расставлены бюсты великих русских писателей, взиравших на пирующую публику с каменным спокойствием. Пальмы возвышались разлапистыми опахалами. Чугунные столбы, крашенные в белое, будто подпирали само мироздание. Мраморные купидоны с вазами между ними кокетливо взирали с верхов. Посреди зала – фонтан с плавающими стерлядями, в любую можно ткнуть пальцем и получить в жареном виде. Буфет черного лака, размером с небольшую европейскую крепость, весь был уставлен закусками. Заплатив три рубля, их разрешалось поглощать в неограниченном количестве. Но главной изюминкой ресторана были поздние завтраки до «журавлей». Это означало, что около полудня, когда время завтрака заканчивалось, господа могли заказать бутылку великолепного коньяка (пятьдесят рублей – шутка ли!) с золочеными силуэтами журавлей. Что считалось высшим шиком. Бутылки с журавлями разлетались по городам как самый ценный московский сувенир.

Обычно в этот час в ресторане столики не пустовали. В это утро, как нарочно, лишь несколько были заняты. Дама оставила в гардеробе полушубок, с меховой шапочкой и вуалью не рассталась. Она стояла на входе в зал и осматривалась. Находиться женщине одной в ресторане, без мужчины – мужа, любовника или брата, – считалось неприличным. В другом месте даму могли попросить выйти. В ресторане гостиницы нравы были не столь строги. По причине того, что в гостиницах вообще на нарушения правил смотрят сквозь пальцы. Клиентам надо радость доставить, а не мучить правилами.

К даме подошел официант в косоворотке голубого шелка в стиле «а-ля рюс», подпоясанной тонким ремешком, и без фамильярности спросил, чего она изволит. Дама желала отдельный стол как можно дальше от входа. Официант пропустил ее вперед, подвел к столику, который находился невдалеке от плюшевых диванов, подпиравших стены, и придержал стул. Дама отказалась от меню, попросив кофе с пирожным. Официант обещал исполнить сию минуту и тут же исчез.

Кофе мало интересовал даму. Она напряженно искала глазами кого-то, кого не находила. С ее места весь зал был как на ладони. В некотором отдалении завтракал господин тучной комплекции, с золотой заколкой в галстук. Рядом с ним сидела миниатюрная блондинка в белом платье, которая смотрела на него с испугом, каким отличается верная и покорная жена. После нужной дрессировки и ежовых рукавиц, разумеется.

– Ну и какого рожна?! – обширный господин одним глотком выпил рюмку наливки, он не считал нужным сбавить тон. – Пригласить – и не явиться. Узнаю Гришку!

– Пе-Пе, прошу тебя, потише, – говорила блондинка, испуганно оглядываясь.

– А чего мне бояться? Это пусть меня боятся!

Дама наблюдала за шумным господином не столько от безделья, сколько находя в нем нечто интересное для себя. Ей принесли кофе, и теперь она могла прятать взгляд за краем фарфоровой чашечки.

– Любезный, что там за приятная дама? – спросила она, указывая на дальний от себя столик. За ним восседала цветущая женщина в брильянтовых серьгах, которые кончиками задевали брильянты кольца. На строгий женский вкус, дама была одета немного вульгарно, выйдя на завтрак в вечернем туалете.

– Госпожа Камаева, Ангелина Степановна, – ответил официант.

– Богатая вдова?

– Чрезвычайно богатая, – официант позволил себе чуть склониться к спрашивающей. – Величают Королевой брильянтов.

– Как это мило!

– Именно так-с. Любит наше заведение. Мы всем гостям рады-с...

Официант поклонился и не посмел далее утруждать даму разговором.

В зале появился статный, высокий мужчина такой красоты, что без подготовки дамам лучше не смотреть. Оглянувшись, будто кого-то искал. Полный господин, заметив его, стал яростно махать.

– Костя! Алексеев! Иди к нам! – кричал он на весь зал.

Господин, названный Алексеевым, заметив махания, поклонился, жестами показал, что чрезвычайно занят, и тут же вышел. Как будто не хотел иметь дело с шумным субъектом.

– Эх, такая досада, вот бы с кем выпить не грех.

– Это кто, тот самый Станиславский? – с робким восторгом спросила его жена.

Господин строго постучал пальцем по столу.

– Он – Алексеев! И никто другой. Промышленник, канительной фабрикой управляет, дельный и толковый. Бабы замутили ему голову театральными кружками, того гляди человек с пути сойдет, тьфу, мерзость!

Сцена вызвала у дамы живой интерес. В зале появился новый посетитель, проживающий, видимо, в гостинице и спустившийся на завтрак. Казалось, он только проснулся, под глазами имелись следы кутежа. Он бесцеремонно плюхнулся на стул рядом со столиком толстяка, запрокинул голову и выпустил струю папиросного дыма.

– Ну и что? – вопрос был задан брезгливым тоном.

Толстяк развел руками над накрытым столом.

– Как видишь, братец.

– Я так и знал. Пустая болтовня. Зачем ему понадобилось?

– Спросим, строго спросим.

– Здравствуй, Викоша, – робко сказала блондинка.

Ей ответили небрежным кивком.

Дама, заказавшая кофе, видела все. Она наблюдала старательно, сама не зная зачем. Впрочем, было в этих незнакомых господах нечто, что сильно ее интриговало. Настолько сильно, что она немного позабыла, для чего здесь находится.

8

Карта была развернута. Эфенбах склонился, сосредоточив на лице всю мудрость, на какую был способен. Чтоб всем было понятно, что он не имеет ни малейшего представления, зачем это делает. Лелюхин с Кирьяковым последовали его примеру. Даже Актаев нашел щелочку, чтоб протиснуться. Со стороны происходящее удивительно напоминало знаменитую картину «Совещание в Филях». Правда, Эфенбах на Кутузова не претендовал, а у Пушкина, как лучшей кандидатуры на роль полководца, не имелось черной повязки на глазу. В остальном же...

– Начнем, господа, отсюда, – палец Пушкина уперся в черный квадратик в Охотном Ряду с надписью «Большая Московская». – Две недели назад здесь был ограблен купец из Нижнего. Вот этой красоткой, – Пушкин не поленился предъявить первый рисунок из блокнота.

– Хороша, – сказал Лелюхин.

– Стерва, – заметил Кирьяков.

Эфенбах ничего не сказал, только зло шикнул. Он по-прежнему не понимал, что происходит.

– Десять дней назад, вот здесь, – Пушкин указал на угол Лоскутного переулка и Тверской улицы, – в гостинице «Лоскутной» лишился брильянтового перстня и кошелька с наличностью купец из Казани...

– Обвели, как ребенка, – вставил Лелюхин.

Пушкин показал следующий эскиз.

– Стараниями вот этой барышни. Неделю назад вот здесь, на Театральной площади в гостинице «Континенталь», купец из Киева расстался со шкатулкой драгоценностей, которую вез домой. «Помогла» ему вот эта дама, – Пушкин перекинул очередной лист.

– Откуда они только берутся?! – не удержался Кирьяков.

– Со мной бы такой фокус не прошел! – вдруг отчаянно заявил Актаев. Все дружно глянули на него. Юноша зарделся, ему стало стыдно.

– Ничего, Васенька, послужишь – привыкнешь, – примирительно сказал Лелюхин.

– А я вот думаю... – начал было Кирьяков.

– Не отвлекайтесь, раздрагоценные мои! – не выдержал Эфенбах, которого вся эта болтовня чиновников, не имевшая отношения к делу, начала раздражать. – Алексей, не вижу связи.

– Связь прямая, – сказал Пушкин. – Вечером вот здесь, в Театральном проезде в гостинице «Дюссо», почтенный господин лишился полного кошелька денег. В этот раз потрудились вот эта милая барышня.

Эфенбах уставился на свежий рисунок.

– Откуда вы знаете? – строго спросил он.

– Утром приходил пострадавший, снял с него допрос, – ответил Пушкин.

Тут только большая часть смысла дошла до Михаила Аркадьевича.

– Четвертое дело в клювике принесли? В такой-то момент?! Вот благодарю.

– Это еще не все.

– Не все?! – вскрикнул Эфенбах. – Нет, это волшебное!

– Будет пятое ограбление. Я знаю где.

– Ну и где же?

Пушкин уверенно показал на точку недалеко от Кремля.

– Вот здесь.

Михаил Аркадьевич понял, что его провели, над ним посмеялись, и вообще только зря он потратил драгоценное время. Он потерял интерес к карте и плюхнулся в кресло.

– Раздраженный Пушкин мой, это ерунда! – строго сказал он.

– Наоборот, математически все сходится.

– Ма... те... ма... ти... чески? – по слогам повторил Эфенбах. – Да неужели?!

– Смотрите: все гостиницы первого класса, большие, много народу, во всех проживают богатые гости. Все находятся в небольшом круге, – для наглядности Пушкин очертил его на карте. – В него как раз попадает «Славянский базар». Где и будет следующее ограбление.

– Свежи фантазии, да верится с трудом.

– Предположу, что сегодня или завтра.

– Ну, это еще бабушка пополам наломала, – веско заметил Михаил Аркадьевич. – Оставьте свою математику, Пушкин. Ну, поймает одну воровку. А остальные?

– Нет остальных, – ответил Пушкин. – Она одна.

– Да как же одна?! У вас даже рисунки разные!

– Это одно лицо, Михаил Аркадьевич. Только разные прически и цвет волос. Гипотезу проверил и доказал сегодня утром: зарисовал описание прически, а к нему все то же лицо. Пострадавший, не опознав предыдущие рисунки, сразу же узнал обманщицу.

– Может, он к себе домой уедет? – с надеждой спросил Эфенбах.

– Он чиновник городской управы.

Лелюхин только присвистнул.

– До наших добралась. Нехорошие дела, ой, нехорошие.

Между тем Эфенбах стремительно думал. Умения молодости, которые помогли ему в раскрытии «тридцати трех выдающихся дел», включая кражу из Государственного банка ста двадцати тысяч рублей, работали на полную катушку.

– Пушкин, Пушкин вы мой, – вдруг сказал он. – Выходит, что у нас под носом не мелкие воровки, а одна умная и талантливая аферистка?!

– Гений в своем роде, – добавил Лелюхин.

Пушкин выразил согласие молчанием.

– Если же поймать талант в юбке и с разными париками... – продолжил Эфенбах, ощущая с радостью, как луч спасения блеснул в кабинете, – ее вполне можно счесть за Королеву брильянтов!

– Да уж, лучшей кандидатуры не сыскать, – сказал Кирыков, чтобы не выпасть из такой интересной дискуссии.

– Тогда и карты на руки! – радостно закончил Эфенбах. – Ловите ее, Пушкин, ловите!

– Пусть Василий Яковлевич или Леонид Андреевич в засаде посилят, – Пушкин опять зевнул. – Портрет есть, место мы определили, деться ей некуда.

– А вы чем так заняты? – ласково поинтересовался Михаил Аркадьевич.

– Мне что-то лень.

Эфенбах одобрительно кивнул, готовясь обрушить порцию молний на голову ленивого гения. Но молнии остались в колчане. В дверь заглянул запыхавшийся городской.

– Прошу прощения, господин Эфенбах, господина Пушкина срочно требуют.

– Куда требуют, Макаров?

– В «Славянский базар».

Михаил Аркадьевич был сражен скоростью исполнения предвидения. Или пророчества. Или вешего сна. Да как угодно!

– Что случилось? Обокрали кого-то?

– Не могу знать, господин пристав требует прибыть немедленно, – городской тяжело выдохнул. – Господина Пушкина, значит, непременно.

Взгляды обратились к пророку от сыскной полиции. Эфенбах вышел из-за стола и торжественно возложил ему ладонь на плечо, так в темном Средневековье монарх посвящал голодранца в рыцари.

– Провидец раздражающий мой, сам напророчил – сам и расследуй. Поделом тебе и будет.

Пушкин подавил отчаянный зев.

– Может, лучше Василий Яковлевич сходит?

Лелюхин сделал вид, что оглох и ослеп одновременно. Только крепче прижал к груди папки.

Эфенбах легонько похлопал по спине, так выпроваживают засидевшегося гостя.

– Торопись, Пушкин, судьба тебя ведет. Пролетки не дам, так добежишь. Как говорится, ноги рукам не помеха!

В каком словаре Михаил Аркадьевич раздобывал задиристые поговорки, пусть останется маленькой тайной.

9

От полицейского дома до Никольской улицы минут пятнадцать неторопливого шага по Тверской. А торопливого, каким припустил городской, не более десяти. Бег по улицам, особенно заснеженным, не был любимым развлечением Пушкина. Он предпочитал прогулку или спокойную езду. Вовсе не из телесной слабости, а потому что привык действовать рационально,

с наименьшей затратой сил. Как и должен поступать человек математического склада ума. Чтобы не делать лишнего и бесполезного, чего с избытком бывает в полицейской работе, он тщательно создавал себе репутацию лентяя и бездельника. Настолько тщательно, что в это поверили. Только Эфенбах пока еще сомневался. Пустить пыль в глаза опытному сыщику, хоть и заплывшему жирком от спокойствия московской жизни, Пушкину не удалось. Но он не оставлял надежды.

У входа в «Славянский базар» поджидал городской из участка, которого Пушкин знал в лицо, но не помнил фамилию. Городовой козырнул и просил следовать наверх. Постовой, которого послали в сыскную, остался приходить в себя на морозе.

В холле гостиницы ничего не указывало на громкое происшествие, ради которого следовало бежать сломя голову. Не сновали газетные репортеры, не собралась толпа зевак, не было криков или стонов. Напротив, в холле царили мир и умиротворение. Лишь два-три постояльца развернули газеты, над которыми вились папиросные дымки. Портье сосредоточенно изучал гроссбух, не проявив интереса к господину, которого вел городской.

Пушкина проводили на второй этаж. Свернув с лестницы, он приметил господ в гражданских сюртуках, которые о чем-то весело болтали у открытой двери номера. С виду они казались постояльцами, которые зацепились языками в коридоре. Пушкина заметили и приветливо помахали, словно приятелю, который опоздал на дружескую пирушку.

– А вот и вы! – сказал тот, что был повыше, пожимая ему руку.

– Хотел благодарить вас, дорогой пристав, – ответил Пушкин, сжимая его ладонь.

– За что же, дорогой сыщик?

– Прислали с утра пораньше подарочек.

– Чиновник городской управы прибежал? Так мы всегда рады помочь сыску, – отвечал Свешников с открытой улыбкой. Среди приставов московской полиции он был один из немногих, кто не имел армейского звания, а служил по гражданскому ведомству в чине надворного советника. Что не мешало ему командовать Городским участком, отвечавшим за приличный кусок центра Москвы.

– Вот вас, Богдасевич, я рад видеть, – сказал Пушкин, здороваясь с суховатым господином, лицо которого было изъедено оспинами. В руке его болтался потертый саквояж, как и полагалось участковому доктору. – Зачем вам понадобилась моя скромная персона? Неужели сами кражу раскрыть не можете?

Свешников только рукой махнул.

– При чем тут кража, Пушкин?! О чем вы! Вы же любитель всяких редкостей. Еще благодарить будете! Вам сюрприз.

– И где же?

– В номер загляните, там Заремба протокол составляет, вам не помешает.

– Интригу плетете, господин пристав.

– Наслаждайтесь, друг мой. Считайте презентом за этого жулика из управы, – и Свешников вежливо приоткрыл штору бордового шелка, прикрывавшую дверной проем.

Старший помощник пристава Заремба оглянулся на вошедшего, кивнул и принялся дальше строчить на походной конторке, макая перо в чернильницу-непроливайку. Столешников не обманул: зрелище предстало необычное.

В огромные окна, выходившие на Никольскую, лилось достаточно света. В гостиной хватало места, чтобы переставить стулья и стол к дальней стенке. Ковер, с которого убрали мебель, был аккуратно скатан в трубу. Прямо на дубовых половицах паркета жирными меловыми линиями была выведена затейливая геометрическая фигура. Тот, кто рисовал, старался вести линии прямо, но рука дрожала, образуя волны или неровности. Узнать в рисунке магический пентакль смог бы и гимназист с двойкой по геометрии. Пятиугольную звезду заключили в круг. Там, где окружность пересекалась с лучами звезды, были выведены пять каббалистических знаков.

Размер рисунка позволял поместиться внутри взрослому человеку. Меловые линии правого луча были смазаны, как будто по ним шаркали ногами. Впрочем, пентакль был цел, хоть и криковат. Рисунок на полу дополнялся особым антуражем. По углам звезды были аккуратно расставлены огарки черных свечей, догоревших до паркета. Один огарок был маленько сдвинут.

Это было лишь прелюдией.

Вокруг пентакля виднелись густые пятна, похожие на засохшую кровь. То, что это кровь, было наименьшей загадкой. В перекрестии меловых линий лежало тело черного петуха с неумело отрезанной головой, которая упиралась клювом в грудь. Вероятно, лишившись головы, петух так огорчился, что стал бегать кругами, как это принято у петухов с отрубленной головой, щедро разбрызгивая свою кровь. Напакостить как следует ему не дали. В серебряном кубке темнела обильная лужица крови. Рядом с кубком валялся охотничий нож с серебряной рукояткой, которым несчастную птицу почти обезглавили.

Как ни любили в Москве бульон из петушиных гребешков, ради черного петьки пристав Свешников с места бы не двинулся. Полицейский протокол Заремба составлял по причине нахождения в номере еще одного мертвого тела: человеческого. Тело лежало на спине поблизости от пентакля, подвернув ноги под себя. Каждому полицейскому известно, что такая поза образуется, если человек упал, стоя на коленях.

Тело принадлежало мужчине, по виду не старше тридцати и не младше двадцати трех лет, с курчавыми волосами и гладко выбритым лицом. Глаза недвижно смотрели в люстру, блестящую хрустальными огоньками, рот широко раскрыт, на лице виднелась нездоровая бледность. Что трупу простительно. Мужчина был бос, из одежды – только кальсоны и длинная ночная рубаша, запачканная бурыми пятнами на животе и рукавах. Огнестрельных следов или резаных ран на первый взгляд не заметно.

Пушкин спросил разрешения осмотреться. Заремба предоставил полную свободу. Место происхождения чиновника участка интересовало мало.

Первым делом Пушкин присел над трупом и рассмотрел руки. Пальцы на правой согнуты «птичьей лапкой», будто старались поймать что-то. Направление указывало на консоль, на какую обычно ставят вазу или цветок в горшке. Вместо украшений на ней стоял аптечный пузырек темного стекла. Наклейка указывала, что в нем содержится *Tinctura Valerianae*. Стеклянная пробка была на месте.

Стараясь не нарушить фигуру пальцев покойника, Пушкин чуть приподнял его руку. На подушечках указательного, большого и среднего виднелись белые следы. Как бывает, когда держат кусочек мела. У основания указательного пальца кожу прорезали глубокие бороздки. Ногти были чистыми. Вернув руку в исходное положение, Пушкин вытащил платок темно-голубого шелка с вышитым вензелем «АК», подарок любящего сердца, и легонько провел по коленям жертвы. На платке остались белые крошки. Стряхнув платок, Пушкин оставил труп в покое.

Искать одежду погибшего нужды не было. Брюки, рубашка, жилет с золотой цепочкой и пиджак, аккуратно сложенные и развешанные, находились на ближнем стуле. По-хозяйски проверив его карманы, Пушкин вынул портмоне, набитое сотенными купюрами, простой носовой платок без вензелей и смятую квитанцию из аптеки.

Кошелек Пушкин положил на конторку перед Зарембой. Чиновник только покривился: дескать, мелочь, не стоящая внимания, и так все понятно. Подхватив пузырек, Пушкин спросил, зафиксирована ли вещь в протоколе, можно ли взять на время. Зарембе все было настолько безразлично, что он согласился бы отдать из номера всю мебель.

Более не отвлекая чиновника от важного дела, Пушкин отправился на осмотр. Обошел номер, заглянув в спальню и ванную комнату. Кровать не смята и даже не раскрыта, в ванне сухо. Удобствами номера не пользовались. Из дорожных вещей нашлась только плетеная корзина с петушиными перьями на дне. Беглый осмотр открыл, что в номер, кроме главной, ведут

еще две двери. Одна была накрепко заперта и, судя по всему, соединяла с соседним номером, как часто бывает в старых гостиницах. Пушкин нагнулся и провел пальцем под дверной щелью. На подушечке осталась полоска пыли.

Открыв другую дверь, найденную за драпировкой, Пушкин обнаружил лестницу, которая, судя по соблазнительным запахам, вела в ресторан. Он не поленился спуститься. И оказался в узком коридоре, из которого сразу можно было попасть в главный обеденный зал. Пушкин только заглянул в зал и тут же отпрянул. Попасть на глаза Ангелине, а потом вырваться из ее щедрых объятий казалось лишним испытанием.

Никем не замеченный, Пушкин вернулся в номер и вышел к приставу с доктором, у которых темы для болтовни не заканчивались.

– Ну как, сюрприз не подкачал? – Свешников игриво подмигнул.

Пушкин обратился к Богдасевичу.

– Время смерти удалось установить?

– Что бы я здесь делал? – ответил доктор. – Лежит более двенадцати часов.

– То есть около девяти часов, вчера вечером.

– Наверняка...

– Причина смерти?

– Пушкин, да вы что?! – пристав удивился искренне. – Так ничего не поняли? Ну и ну. И где же ваша хваленая прозорливость?

– Прозорливость спит.

– Естественная смерть, конечно! – победным тоном закончил Свешников. – Господин решил поиграть в чернокнижника, не справился с ночными страхами и помер! Все, конец представлению.

– Какие факты на это указывают?

Пристав и Богдасевич обменялись понимающими взглядами, оба хмыкнули.

– Послушайте, Пушкин. Поверьте мне как доктору: господин умер от сердечного приступа. Спазм – и нет человека. У него слабое сердце. Внешние признаки сердечной болезни налицо. Не успел выпить настойку валерианы. Да она не помогла бы.

– Константин Владимирович, вас не смущают некоторые странности?

Пристав хотел отшутиться, но выражение лица Пушкина к этому не располагало.

– Петух без головы? – спросил он.

– У жертвы снят перстень, но при этом кошелек полон ассигнаций, часы золотые на цепочке и обручальное кольцо не тронуты.

Свешников совсем перестал улыбаться.

– Откуда узнали про перстень?

– Бороздки на указательном пальце правой руки глубокие. Носил не снимая. Быть может, семейная реликвия.

– Ну, допустим. И что?

– С жертвой... Кстати, как его фамилия?

– В книге регистрации чернильное пятно, – ответил пристав. – Портье растяпа.

– Удачное совпадение. Важно другое: этот господин не был один в номере. С ним был кто-то еще.

Вот теперь пристав насторожился.

– Только ваше предположение, – сказал он резко.

– Стол настолько тяжелый, что погибшему с его комплекцией не передвинуть его к стене. Тяжелый ковер одному трудно закрутить. Коридорного для такой затеи звать глупо. Значит, был кто-то еще.

– Ну, это уж вы фантазируете! – сказал не слишком уверенно Свешников. – Коридорный с половым никого не видели, да и дверь в номер была не заперта.

– Вторая дверь прямиком ведет в ресторан. Вошел и вышел – никто не заметит.

– Точно – фантазии.

– Может, и птицу не он резал? – спросил доктор.

– Несомненно он.

– Петух вам доложил?

Богдасевич ухмыльнулся меткой шутке пристава.

– Вы правы, петух, – сказал Пушкин. – Вернее, то, что вырвался и бегал без головы. Господин не умеет птичку резать. Забрызгался до неприличия. После смерти петуха произошло что-то еще.

Свешников подмигнул доктору.

– Магическое? Явился дух отца Гамлета?

Пушкин не улыбнулся.

– Господин полз из пентакля на коленях.

– С чего взяли?

– Кальсоны запачканы мелом. Полз к пузырьку с валерианой.

– Ну, так верно! – обрадовался Свешников. – Мы же говорим вам с доктором: у него сердце прихватило!

– Его что-то сильно напугало, – сказал Пушкин. – У меня нет ни одной гипотезы, что это могло быть.

– Что ни говорите, а это смерть от сердечного приступа, – так веско сказал Богдасевич, как будто заранее отвергал возможные сомнения.

– С медициной не спорю, – сказал Пушкин. – Но это не естественная смерть.

– А какая же?!

– Убийство, Константин Владимирович. Заявляю официально от имени сыскной полиции. Раз вызвали, вынужден занести в протокол.

Свешников приложил ладонь к груди, где под гражданским сюртуком у него билось сердце. В общем, довольно порядочное для полицейского сердце. С грешками, конечно, но у кого их нет.

– Благодарю, господин Пушкин, я вас развлечься позвал, а вы мне такой подарок.

– Ничего, господин пристав, вскрытие все расставит по местам, – уверенно сказал Богдасевич. – Фантазии разлетятся.

– Буду рад, господа. В одном вы правы.

– Наконец-то, – облегченно вздохнул Свешников. – А в чем мы с доктором правы?

– Убитый принял участие в магическом ритуале. Который кончился насильственной смертью.

С досады пристав даже плюнул. На ковер гостиницы.

– Вот и делай добро людям.

– Желаете сами провести розыск? – спросил Пушкин.

– Нет уж, раз намутили – будьте любезны копаться, – ответил Свешников. – Пока скальпель Богдасевича не призовет вас к ответу. Алексей, может, не стоит так утруждаться из-за приезжего?

– Он москвич.

– Да с чего взяли?!

– В номере нет ни одного чемодана. В Москву так не ездят.

Пристав хотел что-то возразить, но веского слова не нашлось. А препираться с Пушкиным просто так – бесполезно. Свешников знал, что у того на все найдется ответ. Не совладаешь голыми руками.

– Господин пристав, нельзя ли сфотографировать место преступления?

– Можно, господин сыщик! – радостно ответил Свешников. – Но только в Петербурге. У нас в Москве полицейских фотографов еще не имеется. Да и к чему? Все друг друга и так знают.

– Убитого не знаете.

– Не мелочитесь, Пушкин.

Сыщик вынул блокнот для эскизов, но передумал и спрятал в карман.

– Как прикажете.

– Ну, что, возмутитель спокойствия, подвести вас до сыска? – Свешников был благодарен и незлопамятен. И уважал умение Пушкина находить преступников ловко и просто, будто в воду глядя.

– Благодарю, Константин Владимирович, у меня тут еще дела.

– Может, вниз спустимся? Поздний завтрак «до журавлей»? Угощаю.

– Нет, – слишком резко ответил Пушкин. – Я сыт. И времени в обрез. Номер прошу опечатать.

С этим он торопливо пошел к лестнице. Нельзя же объяснить, к чему может привести его появление в зале ресторана. Ангелина общественных приличий не признает.

Свешников приятельски ткнул доктора.

– Со вскрытием не подкачаешь? Хочется утереть нос этому умнику. Он человек дельный, и даже талант, но тут честь нашего участка.

Богдасевич и бровью не повел.

– Не извольте беспокоиться, господин пристав, от моего скальпеля еще никто не уходил, – ответил он, поглаживая кожу докторского саквояжа.

10

Любопытство – не порок, если умело его скрывать. Даме с чашечкой кофе помогала вуаль. Черная сеточка прятала жадный интерес, с каким она следила за дальним столиком. Внешне ничего особенного не случилось. Полный господин, которого называли Пе-Пе, продолжал неумеренно поглощать пищу, как будто голодал неделю. К жене он обращался «Маришка», дама была тиха и печальна. А господин со следами запоя, Викоша, потянулся к графинчику с водкой. Маришка сделала робкую попытку остановить его, но тот ее не слушал. Викоша опрокинул рюмку, сморщился и тут же налил вторую. Закусил он из тарелки Пе-Пе, вытянув пальцами кусок мяса. Что вызвало бурное возмущение хозяина тарелки. Движения человеческих характеров, за которыми виднелись непростые отношения, приковали интерес дамы, как вдруг вялотекущие события немного ободрились.

К столу Пе-Пе подошла модно и со вкусом одетая дама без лишних украшений. Маришка бросилась к ней, как к спасению, они обнялись и расцеловались с нежностью. Маришка называла ее Ольгой. При появлении дамы принято, чтобы мужчины встали, выразив почтение. Или хоть стул следует подать, если официант не успеет. Ничего подобного не случилось. Оба джентльмена не сочли нужным не то чтобы оторваться от тарелки и рюмки, а хоть голову повернуть в сторону пришедшей. Подобное поведение не задело Ольгу, она, видимо, уже привыкла не замечать манеры этих мужчин.

– Гри-Гри нет? – спросила она с тревогой.

Маришка выразила удивление, что он опаздывает больше чем на час.

Пе-Пе смазал сальные губы тыльной стороной ладони.

– Чему удивляться? – сказал он, чуть повернув к ней голову. – Бестолочь и тюфяк...

Викоша хрипло засмеялся.

– Оленька, присядешь? – Маришка сама пододвинула ей стул.

– Нет-нет, я пойду, – ответила она, что-то шепнула Маришке на ушко и громко добавила: – Если Гри-Гри объявится, пусть даст знать домой.

Она ушла слишком быстро, словно не хотела и не могла здесь оставаться. Мужчины не изволили проводить ее вставанием. Маришка присела рядом с Пе-Пе и зажала рот ладошкой. Она низко опустила голову, чтобы не показывать слез.

Скрытая вуалью дама следила неотрывно. Ничто более не занимало ее, даже богатая вдова с брильянтами – Ангелину веселила бравурными венгерскими мелодиями пара сонных скрипачей в косоворотках голубого шелка.

Дама будто ждала, что скоро здесь случится что-то нечто важное, но подошел официант и шепнул, что ее срочно просят, а угощение – за счет заведения. С сожалением она оставила кофейную чашку и вышла из ресторана. В гардеробе надела полушубок и направилась в холл. Сандалов был за конторкой, он незаметным знаком подозвал даму. Когда она подошла, портье вежливо поклонился ей, как кланялся любому гостю.

– Ну и где же?..

– Уходи, – тихо проговорил Сандалов, растягивая улыбку на лице.

– Милейший, ты ничего не забыл? – спросила она.

Сандалов что-то торопливо написал на клочке бумаги и подсунул ей.

– Вот... Завтра... Сейчас уходи...

Она взглянула на бумажку и засунула ее в шелковую варежку с меховой опушкой.

– Так дела не делают. Ты за что деньги взял?

Портье еле сдерживался, чтобы не заорать на безмозглую девицу.

– Завтра свое возьмешь. Сейчас уходи.

Дама ничего не желала слушать.

– Что-то ты темнишь. Где он?

Сандалов заметил кого-то на лестнице и не мог больше улыбаться.

– Беги, – прошипел он.

Дама была не готова к такому обращению.

– Что-что ты сказал?

– Беги, дура! – прошипел он. – Тут сыск. Беги...

Пушкин заметил ее с лестницы. В облике дамы не было ничего особенного, вуаль, прикрывавшая лицо, – не повод для подозрений. Но вот портье... Портье, искоса глянув на него, испугался и сказал ей что-то резкое. Дама с места в карьер рванулась к дверям, не оглядываясь и не теряя драгоценных секунд. Расстояние было великовато. Надо было постараться. Перепрыгивая через три ступеньки, Пушкин кинулся в погоню. Он не думал, а действовал, как легавая на охоте, когда видит зайца: сначала поймать, а потом разобраться. Предчувствиям он не верил. Интуицию считал вредной для разума.

Бежать в длинной юбке неудобно. Дама на ходу поддернула ее, освобождая сапожки, но не заметила, как выскользнула варежка. С разбегу налетела на двери, почти вышибла их и резко повернула вправо по Никольской, в сторону от Кремля. Пушкину хватило бы прыти поймать ее. Но он запнулся на потерянной варежке. Поднял ее и заглянул внутрь. Внутри виднелся бумажный клочок, от варежки пахло ванильным ароматом и немного сиренью, как пахнет Москва весной. Пушкин сжал находку в кулаке и выскочил на Никольскую. Бегать барышня умела. Ее силуэта не виднелось в оба конца улицы. И городского, как назло, на посту не оказалось. Для очистки совести Пушкин торопливым шагом двинулся на Лубянку, зная, что шансов догнать практически нет. В толчее и суеде площади можно затеряться, как в лесу. На бесполезные поиски тратить время не стоило. Тем более что она могла улизнуть и в другую сторону: повернув с Лубянки по Ильинке обратно к Красной площади, и там поминай как звали.

Возвращаясь с Лубянки, Пушкин свернул в аптеку Феррейна. Кроме выдачи лекарств аптека славилась «аналитической лабораторией», в которой делали различные анализы. Место

было знаменитым и уважаемым. Аптека располагалась на втором этаже, над магазином часов. Гостя из сыскной полиции встретил старший провизор, господин Шнигель, вежливо спросив, чем может помочь уважаемой полиции. Пушкин вынул квитанцию и положил на прилавок.

– Выдано в вашей аптеке?

Шнигель бросил взгляд и сознался: это их квитанция. Последовал неизбежный вопрос: кому и когда было выписано лекарство? Шнигель перевернул страницу книги отпуска и сразу нашел запись.

– Вчера вечером, около восьми часов, – сказал он с мягким немецким акцентом.

– Кто его купил?

Провизор ткнул пальцем в строку и чуть сощурился.

– Кажется... господин Неримовский или... Или Нешимовский...

– Адрес жительства не указал?

Шнигель удивился:

– Зачем? Он же покупал настойку валерианы. Безобидное средство.

– Кто отпускал лекарство?

– О, это я! – без страха признался Шнигель. – Он пришел, сказал, что забыл дома свое лекарство.

– Какое? – быстро спросил Пушкин.

– Он хотел раствор нитроглицерина, но у нас, как ни обидно, он закончился. Предложил ему сильное средство: настойку наперстяночной травы, он отказался. Сказал, что доктор строго запретил это средство. Бедняжка, у него больное сердце.

– Как вы поняли?

– Это ясно по лицу, поверьте мне, – ответил провизор. Чему было трудно не поверить.

Пушкин вынул из кармана пузырек с притертой крышечкой.

– Вот это господин вчера купил? – сказал он, протягивая емкость провизору.

Шнигель не прикоснулся к пузырьку, но согласно покачал головой.

– О, это наш.

Выйдя из аптеки, Пушкин вернулся в гостиницу. Портье находился на своем месте. И деваться ему было некуда. Когда Сандалов заставил себя взглянуть на человека, который молча стоял перед ним, он сразу понял, что неприятности только начинаются.

11

Улица Большая Лубянка хоть и вытекает с площади Лубянки, где ошивается всякий сброд и ворье, но улица чистая, с приличными домами и магазинами. Почти на углу с Варсонофьевским переулком располагалась вывеска с большими буквами: «Ломбард». Вывеска висела так давно, что стала частью улицы, как фонарь или тротуар. Рвань да ворье с Лубянки сюда не пускали. Ломбард имел хорошую репутацию: было известно, что здесь почтенные господа, не голодранцы, в тяжелые времена могут заложить столовое серебро, картины, золото и прочий ценный товар. Имущество несли многие, получали четверть настоящей цены, а выкупали назад только везунчики. После отведенного на залог срока вещи выставлялись на продажу. Судя по тому, что полки ломились, редко кто возвращался за своим добром. Редко кому удавалось схватить удачу за вожжи. Ломбард был не в убытке, процветал с третьим поколением владельцев.

Дверной колокольчик звякнул, дверь открылась, впуская солнце и морозный пар. Вошла дама в добротном полушубке. Приказчик Катков, молодой человек с гладким пробором в напомаженных волосах, с гладкими лицом и манерами, вскочил, будто его укусили, из-за прилавка и поклонился даме по-купечески, в пояс:

– Доброго-с утречка-с, Ольга Петровна! – проговорил он гладко и даже не разогнулся до конца. Чтобы не быть ростом выше дамы.

– Здравствуй, Павлуша, – ответила она, невольно оглядываясь. – Григорий Филиппович не приходил?

– Никак нет-с, – ответил вежливый приказчик. – Изволите чайку-с? Я мигом-с.

– Не надо, ничего не надо. – Ольга Петровна не скрывала раздражения. – Когда ты видел его последний раз?

Катков ответил не раздумывая:

– Так вчера, в шестом часу, Григорий Филиппович изволили уйти. Оставили мне распоряжение на утро-с.

У Ольги Петровны на языке вертелся вопрос, но задать его она не решилась. Вместо этого спросила:

– Больше вестей от него не было?

– Никак нет-с... Не изволите.

– Вчера он не жаловался на сердце?

Приказчик выразил недоумение:

– Как можно-с! Да разве я бы оставил Григория Филипповича без внимания?! Он мне как отец родной. Да я за него...

– Да-да, благодарю, – ответила она в растерянности, не зная, что еще предпринять. – Павлуша, я, пожалуй, пойду.

– Что приключилось, Ольга Петровна?

– Григория Филипповича нет дома, нигде нет... С его сердцем... Я очень волнуюсь... Места себе не нахожу...

– Прикажете наведаться в больницы?

– Нет-нет, пока не надо. Известили бы. Если Григорий Филиппович появится, передай ему, чтобы дал знать. Буду дома. Пусть сразу весточку пришлет.

Катков обещал исполнить поручение в точности, проводил даму, открыл перед ней дверь и поклонился на прощание. Когда же дверь захлопнулась, на лице приказчика проскользнула непростая улыбка.

– Ах, женщины, женщины! – сказал он негромко, трогая пробор в волосах. – Не понимаете потребность мужского сердца. Сердца женатого. Нужна ему порой свобода, нужно погулять. А бедняжка Оленька... Нет, пожалуй, не женюсь...

Крайне довольный собой и своей рассудительностью, Катков занялся первым посетителем, которому позарез нужны были наличные средства. Как обычно, с утра пораньше.

12

Сандалов держал улыбку, сколько хватило сил. Мышцы лица его были неплохо тренированы на такой случай, но уставившийся на портье господин исчерпал их возможности. Облокотившись о конторку, господин из полиции в упор разглядывал портье, как будто тот – редкая статуя. Что в голове у полицейского чиновника – поди разбери. Сандалов почти собрался показаться во всем, только не выбрал, в чем конкретно. А господин не делал намека, что ему нужно.

– Вот условия задачи с двумя неизвестными, – наконец сказал он, и Сандалов невольно понял, что чувствует мышонок, когда с ним играет голодный котяра. – В номере четвертом вашей гостиницы поселился господин.

– Чего изволите? – пробормотал Сандалов, понимая, что сморозил глупость.

– Все, что вам известно о нем. Для начала назовите фамилию.

Портье поискал в записи постояльцев нужную строчку и, холодея от неизбежного, повернул книгу.

– Вот, извольте.

На месте фамилии растеклась жирная клякса, которую еще и старательно размазали. От фамилии остался только хвост: «... ский».

– Кто капнул чернила?

– Виноват-с, – ответил Сандалов, чувствуя, как холодеют пальцы.

– Вас попросили уничтожить фамилию?

– Что вы! Нелепая случайность... Поверьте... Господин...

Судя по всему, верить господин не собирался. Но фамилию свою назвал.

– Очень приятно, господин Пушкин, – заторопился Сандалов. – Поверьте, глупейшая нелепость.

– Можете восстановить в памяти залитую фамилию?

Лоб Сандалова от натуги покрылся мелкими каплями пота.

– Кажется... Что-то... Немирский... Немовский... Точно не припомню.

– Первый раз остановился у вас?

– Так точно-с!

– С ним было много вещей?

– Кажется... немного...

– Корзина с петухом?

Господин Пушкин не думал шутить. Сандалов уверился, что вопрос важный.

– Не припомню-с. Ни корзины... Ни петуха...

– Вас не удивило, что приезжий без вещей?

– Так он наш, московский, – ответил портье уверенно.

– Как поняли?

– Глаз наметанный. Сами понимаете, мужчине порой хочется новых впечатлений от жизни. Гостиница у нас знатная, номера удобные. А мы любому гостю рады.

Намек был излишне прямой. Потому и вопрос последовал не менее прямой.

– Что за девица у него была?

Сандалов выразительно поморщился.

– Что вы, господин Пушкин, никаких девиц. Слово чести.

– Тогда кто?

– Не могу знать. У нас ведь не спрашивают, к кому гость идет.

Разговор обрел более внятные очертания. Сандалов ощутил уверенность и немного успокоился.

– По какой причине, господин портье, вы пошли в номер? Откуда такая забота?

Ответ был наготове:

– Постоялец не изволил подняться к позднему завтраку.

– Почему пошли сами, не поручили коридорному?

Кажется, Сандалова приперли к стенке. Еще немного, и придется рассказать все. Но немного еще оставалось.

– Гость в лучшем номере остановился, надо выразить почтение лично, – проговорил он не слишком уверенно.

– Это единственная причина?

– Смею вас уверить, господин Пушкин...

На конторку легла варежка с меховой опушкой. Сандалов проглотил ком, который застрял в горле, смахнул предательский пот и улыбнулся. Натужно, но все-таки улыбнулся.

– Как это объясните?

– Обронил-с кто-то, – наивным образом ответил он.

Пушкин вынул из варежки мятый клочок и развернул. Фамилия была написана торопливым почерком. Пододвинув к себе книгу регистрации, он быстро нашел, что искал.

– Переходим ко второму неизвестному нашего уравнения, – сказал он. – Точнее, неизвестной. Сами расскажете или в сыскную полицию поедем?

– Что-с? – только и смог выдавить портье.

– Значит, в полицию, – сказал Пушкин, забирая варежку. – Собирайтесь.

– Ее зовут... – признание никак не лезло наружу, Сандалов тяжело дышал. – Ее зовут...

– Баронесса фон Шталь, – за него ответил Пушкин.

Портье благодарно закивал, разбрызгивая капли пота.

– Сколько заплатила?

– Сто рублей... Не погубите, господин Пушкин... Бес попутал... Сам не знаю, что на меня нашло... Такая ведьма... Не пойму, как облапошила...

– Не погубить могу. Зависит от вас.

– Все, что прикажете! – Сандалов был жалок.

Мучения людей, даже не слишком порядочных, не радовали Пушкина. Он считал, что сыскная полиция ловит преступников, а не тянет жилы и рвет на дыбе. Во всяком случае, нынче. А что было раньше, в застенках Тайного приказа, так и времена какие были: жуткие и дремучие. Не то что нынче...

– Кто этот человек?

– Иностранец богатый, из Америки, – отвечал портье торопливо.

– Когда она явится за ним?

– Полагаю... Завтра...

Пушкин поманил его пальцем. Портье нагнулся через конторку и преданно подставил ухо. Пушкин быстро и четко шептал, что предстоит делать. Сандалов напряженно внимал.

– А после будет ясно: откроется вакансия портье в «Славянском базаре» или нет.

– Исполним-с в точности! – Сандалов горел праведным желанием не лишиться места. И доходов. Доходов, как известно, много не бывает.

– Тогда последнее, – расстегивая пальто, сказал Пушкин, ему стало жарко.

– Что изволите-с?

– Соберите коридорных и половых, кто вчера вечером был на этаже.

Забыв о степенности, Сандалов бегом бросился исполнять. Так не хотелось ему расстаться с конторкой портье.

А Пушкин вдохнул аромат варежки. Пахло тонко и волнующе. Пахло ловкой преступницей. Умной и опасной. Не Королева брильянтов, конечно, но все-таки... Он не был уверен, что завтра у него получится. Но лучшего шанса уже не будет.

13

Кошелек срежут – полбеда, а то, глядишь, ножик под ребро сунут, и поминай как звали. Такое место лихое – Сухаревка, одним словом. Площадь у Сухаревской башни и богадельни графа Шереметева занимал рынок, на котором можно было найти и потерять все. А вокруг густо расплодились ночлежки и притоны.

Торговали тут всем, за что можно выручить копейку. Выбор широкий – от ржавых гвоздей до брильянтов. В основном выставлялось краденое. Что лихой народ воровской собирал за ночь по московским улицам и домам, стекалось сюда на прилавки. Среди скупщиков и продавцов ошивались члены артели нищих и попрошайки. Здесь находили приют беглые арестанты и каторжники. Здесь прятались злодеи и лихоимцы со всех городов Руси Великой. Здесь была вольница, свои законы и правила, за нарушение которых кончали без суда и тут же, в подпольях, хоронили. Раз угодив сюда, обратной дороги не было. Кипящий котел Сухаревки засасывал и перемалывал любого: и крестьянина, и проворовавшегося чиновника, и отставного военного. Даже бывших полицейских. Сухаревка принимала всех и никого не отпускала. Полиция

если и совалась сюда, то собрав все силы, чтобы провести рейд по подвалам и ночлежкам. Делалось это не чаще раза в год. В остальное время Сухаревка не замечала власть. Только местному приставу позволялось безбоязненно ходить по рынку и заглядывать в ночлежки. Он тоже был частью многоликой Сухаревки.

Вот кому точно не следовало заявляться сюда, так это барышне приличного вида без спутника. Дама в вуали бесстрашно или по глупости шла по рынку. Вслед ей свистели и улюлюкали, но трогать не решались. Быть может, уважая дерзость. Обойдя несколько торговых рядов, на которых тряпье навалено кучами, она вышла к неприметному домику, сколоченному из досок, перед которым стоял прилавок с ржавыми самоварами. Торговцы с интересом наблюдали, что дальше будет. Она постучала. Высунулся крепкий парень, закутанный в тулуп. Только глянув, вышел, прикрыв за собой дверь от постороннего взгляда, и присвистнул.

– Это ж какими судьбами, краля ты моя! – проговорил он и распахнул объятия, отчего тулуп свалился в снег. Дама обниматься не стала, а шагнула назад.

– Осторожней, Куня, ты меня знаешь.

Парень не обиделся, поднял тулуп и улыбнулся просто и беззлобно.

– Как не знать... такую. Как теперь величать?

– Баронесса фон Шталь.

– Ишь, ты! – Куня шмыгнул носом. – Зачем пожаловала, баронесса?

– Товар есть, горячий.

– Сильно горяч?

– На морозе не остынет.

– Ну-ну... Так покажи товар-то.

Баронесса не шелохнулась, как видно, неплохо зная традиции Сухаревки: стоит только ценную вещь вытащить, как в следующий миг она может исчезнуть. И больше не найдешь. Такие чудеса здесь творятся.

– Что ты, Куня, на слово поверь, – сказала она.

– Тебе, краля, завсегда верим. Что взяла?

– Перстенок. Брильянт крупный, четыре мелких. Вещь старинная, фамильная...

– Ну-ну... Сколько хочешь?

– У ювелира уйдет за три. Отдам за тысячу.

Куня только присвистнул.

– Эх, куда взяла. Да я таких деньжищ сроду не видал. Сотню могу дать.

– Сотню? Да я за девять сотен не отдам.

– Ну-ну. Хочешь две – и по рукам?

– Куня, это перстень с брильянтами!

– Больше не могу, краля, дела совсем не идут. Праздник на носу. Согласна, что ли, на три сотенных? – он протянул довольно чистую, крепкую ладонь.

Молча повернувшись, баронесса пошла прочь.

– Эй, ты куда? – крикнул Куня. – Может, поторгуюсь?

Торговцы сухаревским добром провожали ее, как стая волков в голодном лесу. Напасть никто не решился. Куня дал знак: не трогать. Как видно, уважал. Или на сердце легла.

Баронесса шла быстро, но не так, чтобы убегать. Бегущая женщина возбуждает инстинкт хищника. Насколько далеко действует слово Куни, она не знала. И не хотела испытывать. Ей оставалось совсем немного, чтобы выйти целой и невредимой с Сухаревки.

Пристав Свешников с доктором Богдасевичем и помощником Зарембой отправились в ресторан изучать «журавлей». И желали видеть там господина Пушкина. О чем доложил

городовой, оставленный у номера дожидаться санитарную карету, чтобы вывести тело неизвестного. Про то, что номер еще нужно опечатать, господа полицейские, как видно, напрочь забыли. Зов «журавлей» был слишком силен.

Пушкин разучился удивляться. Он зашел в номер, чтобы вернуть на место аптечный пузырек. Порядок в мелочах должен быть всегда. Хотя это никому не было нужно, и полицейского фотографа в московском сыске не было.

Тушка петуха так и лежала в круге пентакля. Тело господина накрыли простыней. Пушкин приподнял край, закрывавший лицо. Он доверял только фактам и цифрам, а не эмоциям. Глядя в мертвое лицо, трудно было отделаться от впечатления, что на нем застыла маска. Маска страха. Или ужаса? Что-то должно было сильно напугать несчастного, чтобы сердце не выдержало. Что может испугать современного человека, живущего в Москве в конце просвещенного XIX века? Что может испугать молодого мужчину? Быть может, доктор Богдасевич прав и это всего лишь сердечный приступ? И нет никакого убийства.

Пушкин вышел из номера и прикрыл дверь. Сандалов постарался: коридорный и половой стояли напуганные и притихшие.

– Вот, господин полицейский, полюбуйтесь, – сказал портье таким тоном, будто поймал разбойников. – Вот они, голубчики, никуда не денутся. Отвечать господину Пушкину так, чтобы от языка отскакивало!

– Господин портье, вы свободны.

Сандалов хотел было еще сделать внушение, но лишь погрозил пальцем, поклонился полицейской власти и удалился. Пушкин подождал, пока тот наверняка спустится по лестнице.

– Как меня зовут, уже слышали. Как вас зовут, господа? – спросил так мягко, чтобы успокоить запуганную службу.

– Екимов, – робко ответил коридорный.

– Лаптев, – сказал половой, потупившись.

Простые ярославские мужики, только приглаженные и чисто одетые. Приехали на заработки, посылают в деревню половину жалованья, сами снимают угол где-нибудь в дальней части Москвы. Держатся за место, боятся его потерять. Делятся чаевыми с портье, потому что целиком в его власти.

– Господа, – сказал Пушкин и нарочно сделал паузу, чтобы уважительное слово дошло до мужиков. – Это не допрос, протокол не веду, мне нужна ваша наблюдательность. Никто вас не обвиняет и в полицию не потащит.

Судя по тому, как Екимов переглянулся с Лаптевым, именно этим застрашал их портье. Чтобы не сболтнули лишнего про его делишки.

– Так ведь мы всегда, – начал Екимов.

– Да только что мы-то? – добавил Лаптев.

– Кого из вас вызвали в номер переставить мебель и скатать ковер?

– Никак нет-с, – ответил Екимов, а Лаптев ему поддакнул.

– У господина были при себе вещи?

Ответ повторился в точности.

– Припоминайте, кого вчера видели у четвертого номера. Кто выходил или входил?

Пушкин не ожидал, что рутинный вопрос вызовет замешательство. Коридорный и половой явно что-то хотели сказать, но не решались. Им надо было помочь.

– Мне важна любая мелочь. Все, что угодно, – добавил Пушкин.

– А сердать не будете? – спросил Лаптев.

– Слово чиновника полиции.

– Так ведь вчера опять... – начал половой, но осекся.

– Подожди, Ваня, надо господину полицейскому пояснение сделать, – сказал Екимов. – Позволите?

– Сколько угодно, господа.

Екимов тяжело вздохнул, словно готовился к тяжкому и опасному делу.

– Место это проклятое, – наконец сказал он.

– Какое место? Гостиница? – спросил Пушкин, не ожидая столь резвого начала.

– Номер этот, четвертый.

– Кто же его проклинал?

Коридорный глянул на товарища по несчастью, Лаптев, как мог, поддержал, то есть печальным сопением.

– Лет двадцать назад в этом номере купец убил цыганку-любовницу. Страшно убил, горло перерезал. Вот с тех пор и пошла, значит, история...

Двадцать лет назад, в 1873 году, сыскной полиции в Москве не было, приставы участков сами расследовали преступления. Дела свозились в полицейский архив на Солянке, где и лежали неразобранными горами. Чтобы найти нужное, пришлось бы неделю копаться в пыли. Куда быстрее действовал другой справочник – устные полицейские предания. Вот только Пушкин не мог вспомнить, чтобы Лелюхин или кто-то из пожилых полицейских рассказывал о таком кровавом деле. Двадцать лет назад оно бы гремело по всей Москве. Осталось в памяти навсегда. И – ничего. Во всяком случае, про такой кошмар ему ничего не известно. Неужели никто не помнит?

– Что же дальше? – спросил он.

– А то, что года тут не проходит без происшествия, – сказал Екимов.

– То ногу сломают, то из окна выпадут, то поскользнутся, то после банкета чуть живого откачают, – добавил Лаптев. – Такое уж место гиблое.

Цепочка страшных событий при ближайшем рассмотрении оказалась не такой уж и страшной. К тому же Пушкин решительно не верил в потусторонние силы, а верил в силы математики.

– Прискорбно, – сказал он. – Так вчера что видели?

Екимов дал знак Лаптеву, чтоб теперь тот отдувался.

– Привидение, – тихо выговорил Лаптев.

– Привидение, – повторил Пушкин, пробуя глупейшее слово на вкус. – Как оно выглядело?

– Известное дело: бестелесная.

– Нечто вроде дамы-привидения?

– Уж дама или не дама, а привидение! – проговорил Лаптев и перекрестился. Екимов последовал за ним.

– Описать подробно сможете?

Половой снова осенил себя крестным знаменем:

– Что вы, господин хороший, такой страх...

– Где же его видели?

– На лестнице, что в ресторан ведет из номера.

– Почему решили, что привидение, а не живой человек?

Лаптеву деваться было некуда.

– Пятно белое, бесформенное... Вошло через стену, – еле выдавил он.

На Пушкина народные страхи не произвели впечатления.

– В котором часу его видели? – спросил он.

Половой не знал, что и сказать, Екимов пришел ему на выручку.

– Ванька около девятого часа прибежал, от страха трясется. Ну, выпили по маленькой, чтобы сердце успокоить...

– Господа, а почему дверь, которая ведет на лестницу в ресторан, не имеет замка? Когда его сняли?

– Никогда замка не имелось, – ответил Екимов. – Такие лестницы только трем номерам полагаются. По ним никто не ходит. Разве мы заказ принесем да горничная когда белье поменять и номер прибрать, чтоб в общем коридоре глаза не мозолить. Но с этим строго: допускается, только когда господ проживающих не имеется. Чтобы не беспокоить. На то и номер высшего разряда!

– Привидение в других номерах являлось? – спросил Пушкин.

Екимов тяжело вздохнул.

– Пока не жаловались.

– А в четвертый оно регулярно заглядывает?

– Только этого не хватало! Ванька, – Екимов кивнул на Лаптева, здорового детину, – и тот со страху чуть живой прибежал. Только, господин полицейский, Сандалову об этом не говорите, со свету сживет.

Пушкин обещал держать рот на замке.

Он подумал, что своему *раздражайшему* начальнику сообщит о привидении в «Славянском базаре» только в крайнем случае. Мало ли что взбредет в голову Михаилу Аркадьевичу, еще, чего доброго, захочет его поймать. А ловить сразу два привидения, считая Королеву брильянтов, московскому сыску не под силу. Особенно перед праздником. К нему подкралось искушение: не признать ли, в самом деле, эту смерть смертью по естественной причине, и дело с концом? Пристав будет рад, и себе никакой мороки. Заманчивое искушение.

15

Баронесса злилась. Злилась на мороз, который жег в муфте ручку без варежки, злилась на себя, что не помнила, где и как обронила ее, злилась на блестящий снег, на солнце и праздничную суету, которая расходилась по улицам. Но более всего злилась на вторую неудачу подряд. К поражениям она не привыкла. И к слишком мелкому улову. Перстень не стоил тысячи, которую она запросила на Сухаревке. Куня воровским нюхом угадал и дал хорошую цену, что разозлило баронессу до невозможности. Обычно она сама видела людей насквозь и крутила ими как вздумается.

Она хорошо разбиралась не только в людях, но и в камнях. Перстень был так себе. Все четыре камешка – горный хрусталь. Это не брильянты. В магазине за перстень просили бы рублей пятьсот. Перстень ей не нужен, скорей бы отделаться от него.

Выйдя целой и невредимой из пасти Сухаревки, баронесса почти наугад пошла по Сретенке, перешла Рождественский бульвар и оказалась на Большой Лубянке. Московские улицы еще путали своим бестолковым и неправильным положением, словно их нарочно ставили как придется. Она дошла до угла Варсонофьевского переулка. На правой стороне улицы виднелась вывеска «Ювелирные изделия», на другой – ломбард «Немировский и сыновья». Баронессе осталось решить, куда пойти.

Когда предстоял такой сложный выбор, она предпочитала отдать решение судьбе. Для этого надо было загадать и посмотреть, что получится. Она выбрала, кто будет ее жребием. На дальнем углу Варсонофьевского и Рождественской улицы маячила черная шинель городского. Баронесса загадала: если городской повернется на четном счете, она пойдет к ювелиру. А на нечетном – значит, судьба хочет в ломбард.

«Раз», – мысленно произнесла она.

Городовой потоптался на месте.

«Два»...

Городовой посмотрел вслед проезжающей пролетке.

«Три»...

Не зная, что в его руках, городской, как нарочно, стал бить каблуком по наледи.

«Четыре»...

Нетерпение мучило. Баронесса уже хотела бросить игру и пойти в ближнее заведение. Но все-таки сказала про себя: «Пять»...

16

За окнами встали ранние зимние сумерки. В приемном отделении сыскной полиции, тесном от пяти столов, шкафа с делами, стульев для чиновников и посетителей и еще никому не нужной мебели, наступил час умиротворения. Присутственный день стремительно бежал к концу. Чиновники наслаждались спокойствием. Актаев дремал, восполняя силы молодого организма, Кирьяков читал газету, закинув ноги на американский манер на стол, дымя папироской, а Лелюхин потягивал остывший чай. Появление Пушкина было встречено дружеским равнодушием. Скинув шапку и шарф, он присел к ближнему столу.

– Что, Лёшенька, поймал свою птичку? – спросил Лелюхин, подмигнув. – Самовар еще горячий.

– Василий Яковлевич, двадцать лет назад где служили?

Вопрос показался старому чиновнику занятым.

– Здесь и служил, где ж мне служить, как не в полиции. Все ей, родимой, отдал. Ничего другого не имею.

– В участке?

– Само собой, в нашей горячо любимой Тверской части, – и Лелюхин салютовал чашкой в сторону окна, в направлении полицейского дома, где началась его служба в качестве титулярного советника.

– В те годы убийств было мало?

Лелюхин издал звук закипевшего чайника.

– Что ты, Лёшенька, на пальцах сосчитать. Не то что нынче. Зачем тебе быть седую вспоминать?

– Василий Яковлевич, в декабре 1873 года в «Славянском базаре» некий купец зарезал цыганку. Можете припомнить подробности?

Кирьяков опустил газету и стал прислушиваться. Лелюхин не то что удивился такому интересу. Он удивился глубочайшим образом. Оставил чашку и стал потирать лоб, как будто под наслоением памяти найдется нужный осколок. Сколько ни тер, из колодца воспоминаний не вылось ни одной призрачной тени.

– Вот странность, – наконец сказал он. – Да было ли такое? Все крупные истории напечет помню, а тут ничего на ум не приходит. Да было ли, в самом деле?

– Было, – твердо сказал Пушкин, но добавил: – С большой долей вероятности.

– Раз такая нужда, тогда в архив лезть надо. Только там копать не перекопать. Меня не проси, потом насморк замучает. Не уговаривай, даже не пытайся.

Как раз это Пушкин и собирался проделать. Наверняка уломал бы Василия Яковлевича посулами роскошного обеда у Тестова⁴, но коварству помешали. В приемную в морозном паре и распахнутой шубе ввалился господин Эфенбах, красный и довольный. Цветущие щеки можно было списать на мороз, если бы не тонкий аромат отличного коньяка, который ни с чем не спутаешь. Михаил Аркадьевич чудесно отобедал и щедро расточал волны благодущия.

– Ага! – вскрикнул он, завидев Пушкина. – Вот и ты, явился не провалился! А мы уж тебя ждем-переждем, с ног сбились. Прямо не знаем, что и думать.

⁴ Знаменитый московский трактир.

Эфенбах плюхнулся на стул и небрежно скинул шубу.

– Ну что, уже поймал разбойницу из твоих сновидений? – Михаил Аркадьевич орлом глянул на подчиненных, дескать: «Как я его уязвил!» Кирьяков выразил восторг.

– Завтра поймаю, – ответил Пушкин.

Михаил Аркадьевич скроил разочарованную мину.

– Ай, завтра, завтра, не сегодня – так все бездельники говорят.

– Завтра доставлю ее сюда. Обещаю.

Заявление было слишком решительным и не слишком уместным для такой теплой, почти семейной атмосферы. Эфенбах только хмыкнул, не желая тратить чудесное настроение на всякий вздор.

– Смотри же, я за язык тебя не притягивал, – сказал он. – И как же поймаешь?

– На живца, – ответил Пушкин. – Для этого мне нужна добротная пролетка, желательно тройка, шуба и смокинг. Смокинга у меня нет. И шубы тоже.

– Смокинг? – повторил Эфенбах под смехок Кирьякова. – Зачем смокинг?

– Элементарная ловушка.

– Ой, Алексей, доиграешься с бирюльками своими! – сказал Михаил Аркадьевич, назидательно помахав пальцем. – А что там, в «Славянском базаре», случилось?

– Убийство, – коротко ответил Пушкин и зевнул.

К такому повороту Эфенбах был не готов. Ему захотелось ослышаться или чтоб сказанное слово вернулось туда, откуда оно вылетело. Но слово, как известно, не воробей. Лелюхин и Кирьяков обратились в слух. Даже Актаев проснулся.

– Убийство?! Пушкин, да ты в своем уме?! – Михаил Аркадьевич подразумевал, что ничего хуже не могло быть перед Рождеством, чем разбираться с убийством. Когда Королева брильянтов еще не в цепях. – Кого убили? Надеюсь, приезжего?

– Московского господина, – безжалостно ответил Пушкин. – Фамилия пока неизвестна. Дело заведено Городским участком, пристав Свешников.

Эфенбах шлепнул ладонью по лбу.

– Боже мой! В такое время и такое *укурдючить*. Значит, так, Пушкин, как хочешь извертись, но чтоб и дело этой воровки, и это дело раскрыл до праздника!

Такой подход чиновники поддержали: конечно, он должен. Никому не хочется по морозу таскаться.

– Как получится, – ответил Пушкин, насильно зевнув. – Да и лень.

Эфенбах вскочил, готовя молнии, которые никак не желали являться после обеда.

– Я тебе дам «лень»! Ничего знать не желаю!

– Тройка, шуба, смокинг. И тогда попробую.

– Тройку дам. Шуба... – Михаил Аркадьевич бросил взгляд на свои меха. – Шубу, так и быть, одолжу. А смокинг где-нибудь сам раздобудь.

На большее нельзя было рассчитывать. Пушкин рассыпался в благодарностях, чем возжег добродушие начальника. Эфенбах вернул себя на стул и был готов оказать еще милость. Небольшую и бесплатную.

– Ну, Пушкин, чего тебе еще надобно?

– В номере, где произошло убийство, выставить на ночь засаду, – ответил он.

– Это зачем же?

– Убийца может вернуться на место преступления.

– С какой стати?

– Замести следы, – на полном серьезе ответил Пушкин. – Сам бы рад, да надо готовиться к утреннему делу, смокинг искать. Может, Леонида Андреевича поставить?

– Кто, я?! – пораженно спросил Кирьяков, осознав, что ему грозит бессонная ночь на месте убийства.

– И то дело, – Михаил Аркадьевич был щедр. – Леонид, сегодня заступаешь.

Кирияков наградил виновника своего несчастья таким взглядом, от которого менее стойкие натуры вспыхивают, как пук соломы. Пушкину было все равно.

– Не забудь револьвер, – посоветовал он.

Трудно сказать, чем бы закончился обмен любезностями, но в приемную вбежал запыхавшийся городской и быстро козырнул.

– Ваш благородь, – обратился он к Эфенбаху. – Господин пристав Свешников срочно господина Пушкина в участок требует.

– Зачем это вдруг? – слегка удивился Михаил Аркадьевич.

– Не могу знать. Сказано: новые обстоятельства по утреннему делу открылись.

Пушкин сделал усталое лицо и поднялся, застегивая пальто:

– Ну, надо так надо. Ничего не поделаешь – ни поспать, ни отдохнуть.

17

Барышня в его вкусе. Молоденькая, но не очень. Одета модно, но без вызова. И лицо такое приятное, в котором нет недостатков и надменной красоты. Ведет себя сдержанно, не заискивает. Видно, без стесненных обстоятельств. В общем, Каткову она понравилась. Приказчик выразил горячее желание услужить чем может и спросил, как обращаться. Барышня назвалась баронессой фон Шталь. Катков хоть и согнулся в поклоне перед титулованной особой, но не поверил: не дотягивает до высшего сословия. Не вышла аристократкой. Хотя... Кто его знает.

Баронесса осмотрела прилавки и осталась довольна.

– Чего изволите? – Каткову уже показалось, что он ошибся и посетительница подыскивает что-то для себя. – У нас выбор отменный-с.

– Любезный, принимаете ювелирные изделия?

Катков уже знал, что последует дальше. И это немного опечалило. Бывают и у приказчиков философские чувства.

– Непременно-с. Даем лучшую цену! Уж поверьте. Что у вас: наследство, столовое серебро или прочее?

– Наследство, – ответила баронесса. – Перстень мне достался от моего дедушки. Хочу продать, чтобы поставить памятник на его могиле.

Приказчик рад был услужить такому благородному порыву. Попросил взглянуть. Баронесса вынула руку, которую прятала в муфте, и разжала кулачок. Катков спросил разрешения взять вещь. Дама положила драгоценность на прилавок. Приказчик нацепил ювелирный глазок и принялся неторопливо вертеть перстень, разглядывая со всех сторон и важно побрякивая, будто старательно оценивал стоимость. Он не столько тянул время, сколько прикладывал торговое умение, чтобы дама не разгадала маленький секрет: цена перстня была ясна с одного взгляда. Мало того, Катков прекрасно его знал. Оставалось только придумать, как выйти из неловкой ситуации.

Он снял глазок, потер веко и тщательно проморгался, будто глаз устал.

– Сколько желаете получить? – спросил он, тщательно улыбаясь.

– Думаю, стоит не меньше тысячи.

В голосе барышни было столько надежды! Как жаль ее разочаровать.

– Что вы, мадам! – грустно ответил Катков. – Работа хорошая, но перстню от силы лет сорок.

– Там брильянты.

– Прошу простить, но это не брильянты – горный хрусталь.

– Как жаль, – сказала она, забирая с прилавка перстень. – Раз не даете хорошую цену, попробую...

– Могу предложить триста, – торопливо перебил Катков.

Дама задумалась, вертя перстень в пальцах.

– А больше никак нельзя?

Приказчик только развел руками.

– Рад бы услужить, да ведь мы ломбард. С оборота живем-с. Поверьте, из одного почтения к вам уступил. Никто такой цены не даст.

Баронесса положила перстень на прилавок.

– Ну, хорошо. Берите. На памятник хватит...

Катков одним движением убрал его с глаз долой.

– Отсчитайте крупными купюрами.

– Всенепременно-с. Расчет завтра.

– Как завтра? – спросила баронесса, пораженная коварством приказчика.

– Сегодня никак нельзя-с. Только завтра. Непременно все до копейки.

Она еще пыталась убеждать, торговаться и даже пустила слезу, но приказчик был непреклонен: деньги – завтра. Пока баронесса не сдалась. Он вежливо проводил даму к выходу, обещав подготовить все в лучшем виде.

Катков остался доволен собой. Он мог рассчитывать не только на благодарность хозяина, но и на значительный кредит доверия. Мужская солидарность и выручка в таких делах дорого стоят. Приказчик прекрасно понял, каким образом у баронессы оказался «дедушкин» перстень. И целиком одобрил вкус хозяина. Он и сам был не прочь подарить колечко такой красавице.

18

Ольга Петровна вела себя исключительно мужественно. Не упала в обморок, не зарыдала и даже не зажмурилась, когда доктор Богдасевич приподнял край простыни. Только крепко вцепилась в руку сестры. Никаких сомнений не осталось, опознание тела можно было зафиксировать протоколом. Эти и другие подробности Заремба успел доложить Пушкину, пока провозжал в кабинет пристава.

Примерно час назад в участок пришла дама, в сопровождении сестры, и сообщила, что ее мужа нигде нет с прошлого утра. Дама пребывала в крайнем волнении. Свешников не горел желанием бросаться в розыски, предложил обратиться в сыск или в участок по месту жительства, но дама настаивала. Она заявила, что ломбард ее мужа находится на территории Городского участка, вчера утром муж уехал на службу, и потому пусть его ищет местная полиция. Тут как раз прибыла санитарная карета из «Славянского базара». Свешникову пришла игривая мысль, наверняка бесполезная, но отчего бы не попробовать. Он приказал доктору положить тело на стол, не срезая одежды, прикрыть простыней и пригласил дам взглянуть на «свежака». На всякий случай, без надежды на опознание. Дамы, конечно, испугались, но нашли в себе силы. Свешников разрешил им пройти вместе, большой беды в таком нарушении протокола нет. И вдруг случилось то, чего никто не ждал...

Пристав повел себя как настоящий джентльмен. Окружил Ольгу Петровну заботой, приказал принести чаю, предложил водки из казенного буфета участка и самое удобное кресло у него в кабинет. Горе красивой женщины, без слез и оханья, тронуло его. Он искренне, насколько может прожженный полицейский, сочувствовал. Впрочем, сестра несчастной тоже была недурна. Что Свешников как ценитель женщин не мог не отметить. Появление Пушкина было необходимо. Свешников немного утомился от мрачной атмосферы, какую напустила женская скорбь.

– А вот и сыскная прибыла, – сказал он довольно игриво.

Пушкин представился и узнал, как зовут дам. После чего без всякой обходительности попросил огласить протокол опознания. Свешников был неприятно удивлен такой черствостью. Делать было нечего. Он зачитал с листа.

– Итак... Опознание произведено... дата, час... Вот: Немировский Григорий Филиппович, 1868 года рождения, из купцов, русский, вероисповедания православного, владеет ломбардом в доме Волкова в Варсонофьевском переулке. Опознание произведено супругой его Немировской Ольгой Петровной и сестрой... Немировской Ириной Петровной... Подписи, как полагается...

– Вы замужем за братьями? – спросил Пушкин, довольно прямо разглядывая женщин.

– Гри-Гри... то есть Григорий Филиппович, младший в семье, – ответила Ольга Петровна. – А вот я получаюсь старшей...

При внешней схожести сестры все-таки были не на одно лицо. У дам не принято спрашивать о возрасте, но, скорее всего, они погодки. Ирина выглядит нервной, черты лица более прямые, как часто бывает у брюнеток. Ольга казалась более простой и открытой из-за округлости скул и подбородка, что свойственно шатенкам. Пушкину захотелось сделать быстрый набросок, но время было неподходящее.

– Господин пристав, мне необходимо снять допрос, прошу оставить меня наедине с госпожой Немировской.

Такой наглости Свешников не ожидал. Его выгоняют из собственного кабинета. Вот и делай после этого сюрпризы сыскной полиции. Все, что он думал, пристав наглядно выразил в «пронзающем» взгляде. Жаль, Пушкин этого не заметил. Ирина Петровна поднялась без возражений.

– Ирочка, поезжай, я сразу к тебе, не могу оставаться дома одна, – сказала Ольга.

Сестра нежно обняла ее, будто оставляя на пытку, а не на безобидный разговор с полицией. Свешников пропустил даму вперед, еще раз «ожег» взглядом кое-кого и громко хлопнул дверью.

– Что могло случиться с вашим мужем? – без всякой подготовки спросил Пушкин.

Ольга казалась уставшей и печальной, но довольно милой, не заслужившей столь жесткого оборота.

– У Гри-Гри... – она осеклась, но ей позволили использовать домашнее прозвище, – большое сердце. Врач предупреждал, что нужно серьезно лечиться, с этим шутить нельзя, но он ничего не слушал.

– Какое лекарство ему прописано?

– Раствор нитроглицерина. Врач строго указал, чтобы ничего иного не принимал. Бедный мой Гри-Гри, – женщина дала волю чувствам в тяжком вздохе.

Пушкин, кажется, забыл про жалость.

– Когда последний раз видели мужа?

– Вчера утром. Он собрался в ломбард, оделся, как обычно, уехал. Вечером я поехала к сестре Марине.

– У вас и третья сестра имеется? – не удержался Пушкин. – Неужели замужем за еще одним Немировским?

Ольга только кивнула.

– Марина Петровна замужем за старшим из Немировских. Наши семьи были тесно связаны. Отцы дружили, это ведь удобно, когда мальчикам готовы три невесты.

Пушкин не стал говорить, что думает про удобство в тонком деле женитьбы.

– Вы приехали в гости к младшей сестре, – напомнил он. – И что же?

– Ничего особенного, – ответила Ольга. – Засиделись за разговором. Вернулась от Марины довольно поздно, легла спать, а утром не нашла Гри-Гри.

– У вас разные спальни?

– Ну разумеется!

– Не найдя мужа, стали беспокоиться?

– Да, поехала его искать везде. В ломбарде приказчик его не видел. Мне стало страшно, я приехала к Ирине, потом не вытерпела неизвестности и упросила ее ехать со мной в полицию. Одна бы не смогла...

– Ваш муж носит перстень? – спросил Пушкин, невольно разглядывая очертания женской фигуры, в которой было на что посмотреть.

– Фамильный, его деда. Когда старший Немировский только пошел в гору, купил этот перстень. Потом передал своему сыну. А от отца достался Гри-Гри. Муж носил его на указательном пальце, размер перстня был слишком большим для безымянного. У Гри-Гри тонкие пальцы.

– Почему перстень достался не старшему сыну?

– Гри-Гри был любимчик отца... Пе-Пе... Простите, Петр Филиппович жутко завидовал, что перстень достался не ему. Предлагал все что угодно. Но Гри-Гри не отдавал. Считал талисманом удачи.

– Последние дни поведение вашего мужа было несколько странным, – не спросил, а сообщил Пушкин.

Ольга немного удивилась.

– Вы правы. Но откуда узнали?

– Что было причиной его беспокойства?

– Не могу об этом говорить, – довольно сухо ответила она.

– В тайнах нет смысла, – сказал Пушкин. – Особенно теперь.

– Это не тайны.

– А что же?

– Глупое семейное поверье.

– Бывают глупости куда большие суеверий. Прошу вас, не стесняйтесь. Обещаю, что не буду смеяться.

Ей потребовалось собраться с духом, чтобы начать.

– Это давняя история. Когда-то, много лет назад, наш свекор Филипп Парфенович совершил ужасную гадость, за которую должен был понести возмездие. Возмездие должны были понести и его потомки.

Страшная история не произвела на Пушкина никакого впечатления.

– Прошу простить, госпожа Немировская, это слишком туманно. Мне нужны факты.

– Что ж, извольте, – сказала Ольга. – Теперь и правда скрывать нечего. Старый Немировский убил свою любовницу, цыганку. Мать цыганки прокляла его страшным проклятием. Его и его род. Дело замяли, Немировский выкрутился, но есть силы, неподвластные взяткам.

– Это случилось двадцать лет назад в гостинице «Славянский базар»?

Ольга взглянула на него, словно ей назвали три заветные карты.

– Откуда вы... Об этом никто не знает.

От ответа Пушкин уклонился.

– Так что же напугало вашего мужа?

– Подошел срок исполнения проклятия, – ответила Ольга. – Двадцать лет... Гри-Гри места себе не находил, стал злым, нервным, раздражительным. С его сердцем надо нервы беречь, а он...

– У вас дома хранятся ювелирные украшения?

Вопрос оказался неожиданным.

– Да, мои и сестер.

Пушкин поднялся так резко, как будто заноза вылезла из обивки.

– Поедьте к вам домой. Прямо сейчас. Не возражаете?
Возражений в женском сердце не осталось. Ольга согласилась безропотно.

19

Зимние сумерки укутали Никольскую улицу. Уличные фонари кое-как боролись с тьмой. Впрочем, не очень успешно. Пешеходам приходилось рассчитывать больше на удачу, чем на освещенный тротуар. Даже городской растворился в ночи. Напротив «Славянского базара» остановилась скромная пролетка. С нее сошла дама и тщательно оглядела улицу в оба конца. Ничего подозрительного не заметила. А потому перешла на другую сторону. Часто оглядываясь, будто готовилась пуститься наутек.

Замерзший швейцар, окинув даму взглядом, открыл перед ней входную дверь. В холле было пустынно. Из ресторана доносилась музыка. Дама подошла к конторке портье, который куда-то отлучился. Ждать пришлось недолго. Заметив, кто его дожидается, Сандалов чуть не оступился на лестнице. И чуть было не повернул обратно. Трусость не красит, ему пришлось идти до конца. То есть до своей конторки. На даму он старательно не взглянул, хотя она дарила ему чарующую улыбку. Под вуалью.

– Что вы здесь делаете? – процедил сквозь зубы Сандалов.

– Варезку потеряла, – ответили ему. – Варезку мою не находили? Очень мне она дорога.

– Не было никакой варезки. Уходите.

– Гоните одинокую даму? В ночь?! Хороша гостиница, нечего сказать.

Сандалов собрал всю выдержку, какая у него осталась после тяжелого дня.

– Сейчас рано. Его еще нет...

– Неужели?

– Он прислал телеграмму. Приедет утром из Петербурга. Потерпите...

Дама легкомысленно повертела карандашом, который оказался на раскрытой конторской книге.

– Ох, трудно терпеть. Что-то дела не заладились. Надо сыграть ва-банк. Есть с кем?

– Завтра, все завтра, – одними губами ответил Сандалов. – Сейчас уходите, нас могут видеть.

– Пустяки. Да кому какое дело, что гостя с портье говорит?

– У нас полиция. Ловят кого-то, быстро уходите...

Как видно, Сандалов нашел волшебное слово, которое подействовало. Дама исчезла так быстро, как будто ее и не было. А портье стер со лба набежавший пот. Когда же кончатся его мучения?! Хоть бы скорей.

20

Свешников обижался, но полицейскую пролетку дал. Ехать пришлось через пол-Москвы. Город по старой привычке рано ложился спать. На утопанных улицах редко встречались прохожие, редко проносились сани и лихачи, редко топтались постовые. В окнах домов мерцал теплый семейный свет, маня уютом и негой дома. Ольга молчала, молчал и Пушкин.

Пролетка въехала в сонное Замоскворечье, покружилась и встала у крепкого дома на Большой Татарской улице. Судя по темным окнам, прислугу Немировские не держали. Что для купцов было делом обычным: зачем деньги переводить, когда жена имеется. Хотя Ольга мало походила на хлопотливую хозяйку домашнего очага. Она сошла с пролетки сама, Пушкин забыл правила приличия или не захотел подать руки, и пошла натопанной тропинкой к крыльцу. У дома был сад, черневший голыми ветками. Отперла дверь ключом и предоставила возможность гостю заходить без приглашения.

Электричество еще считалось бесполезной игрушкой. В Замоскворечье, как при дедах, жгли свечи. Но кое-где уже слышали про телефон. В темноте чужой дом казался лабиринтом. Пушкин не снял пальто, дом простыл, стоя нетопленным, и ждал, когда вернется Ольга. Появление ее отметилось пятном света, который бросала большая керосиновая лампа с затейливым плафоном. Она вошла и поставила лампу на стол. Из темноты гостиной выступило много мебели. Ольга швырнула на скатерть перламутровую коробку и буквально упала на стул.

– Это конец, – сказала она, подперев рукой лоб. – Вот это настоящий конец.

Пушкин взял шкатулку. Внутренность отделана красным бархатом с мягкой подкладкой, чтобы золоту было уютно. Только ни золота, ни брильянтов не было. Даже в полутьме шкатулка сияла пустотой.

– Разорена, разорена.

Не всегда доказанные теоремы приносят радость. Пушкин ожидал чего-то подобного, но не думал, что предположение оправдывается.

– Много было?

– Все, что оставила нам с сестрами наша мама. Что не пошло в приданое.

– Почему хранилось у вас?

– Ирина не хотела, чтобы хоть что-то попало в руки Викоши, то есть Виктора Филипповича, а Мариша просто боялась, что Пе-Пе... да что уж теперь скрывать, поставит на продажу. Носить нам украшения было негде. Я должна была сохранить, и вот чем кончилось.

– Вчера утром драгоценности были на месте?

Ольга подкрутила фитиль лампы, стало немного светлее.

– Наверное. Я же не заглядывала каждый день.

– Шкатулка хранилась в сейфе?

– Нет никакого сейфа. Держала у себя в спальне. От мужа не прятала. Остается только сожалеть в нищете.

– У вас есть и дом, и ломбард, – сказал Пушкин, неторопливо двигаясь вокруг стола и пытаясь разглядеть подробности. – Когда все получите по завещанию вашего мужа, дело можно продать.

Вдова усмехнулась.

– Ничего у меня нет. Старый Немировский, разделяя дело между сыновьями, так составил завещание, что в случае смерти младшего брата все переходит к ближайшему по возрасту старшему. Если нет детей. У меня ничего нет. Я нищая... Придется молить сестер, чтобы приютили, дали угол и корку хлеба.

Горе было искренним, Ольга не плакала, держалась мужественно.

– Ольга Петровна, что беспокоило вашего мужа в последние дни? – он спросил, не выражая сочувствия, как подобает холодному разуму.

– Гри-Гри видел ее, – ответила Ольга.

– Кого, простите, видел?

– Привидение... Которое пришло за ним... Видел ее в окне... Испугался... Она пришла и смотрела на него... А потом отодвигалась дальше... Потом исчезала. От проклятия не уйти... Оно его настигло... Мой бедный муж...

Что-то зябко стало. Пушкин плотнее запахнул отворот пальто.

– Верите в привидения?

Ольга подняла на него глаза. Лицо ее было спокойно, свет лампы красил кожу глубоким желтым оттенком.

– Я видела... Своими глазами... В этом окне... Она заглянула... И потом отодвигалась дальше, дальше... и исчезла.

– Почему говорите о призраке в женском роде?

– Кто же, кроме мертвой цыганки, может быть?

На языке вертелся простой вопрос: «А следы на снегу искали?» Но Пушкин пожалел женщину, которой сегодня досталось изрядно. Вынул черный блокнот и показал зарисовки женских головок.

– Взгляните, призрак не похож на кого-то из этих барышень?

Она мотнула головой.

– У нее... Не было лица... Нечто темное, как дым... Я не могу больше говорить об этом...

Простите...

– Позвольте взглянуть на кабинет вашего мужа?

Взяв лампу, Ольга Петровна пошла в глубину дома по узкому коридору с дверями по обе стороны. Толкнув крайнюю, вошла и пригласила Пушкина. В частных приделах Гри-Гри было тесно: письменный стол и диван, судя по подушкам и пледам – частое место отдыха и ночевки. Книжному шкафу места не хватило. Бесполезны для делового человека книги. В ломбард и то не заложить.

На столе, свободном от бумаг, возвышался письменный прибор старинной бронзы. Над чернильницей витали упитанные амурчики, рядом с ними виднелся пузырек темного стекла. Аптечный, но без ярлычка. Пушкин указал на него.

– Что это?

– Лекарство Гри-Гри, – ответила Ольга.

– Почему ваш муж не взял его с собой?

– Не могу понять. Вероятно, забыл.

– Господин Немировский вел дневник?

– Да, у него была такая привычка: все тщательно записывал.

– Записи хранятся в конторе?

Вопрос вызвал легкую растерянность. Поколебавшись, Ольга Петровна достала из-под столешницы маленький ключик, который прятался в укромном месте, как думал ее муж. Однако хранить секреты от супруги – дело бесполезное. Ключик открыл узкий ящик, занимавший треть места под столешницей. Среди квитанций, билетов и расписок лежала записная книжка кожаного переплета. Пушкину разрешили заглянуть.

Григорий Филиппович записи вел с начала года. Вел тщательно. Чуть не на каждый день у него намечались дела самого важного свойства: продать, купить, съездить и тому подобное. Переверачивая страницы, Пушкин приближался к большому листу, вставленному как закладка. Он показался вслед за страницей с записями начала ноября. Лист плотной старинной бумаги с рваным краем. Литография изображала пентакль с магическими заклинаниями. Его копия – на полу в номере. Пушкин показал рисунок.

– Ваш муж увлекался магическими практиками?

Ольга Петровна выразила удивление.

– Ничего подобного от Гри-Гри не слышала.

– Господин Немировский ходил в общедоступную библиотеку?

– Как не смешно, но вы правы: Гри-Гри не так давно вздумал посетить Румянцевскую библиотеку.

Значит, господин Немировский не постеснялся вырвать лист библиотечной книги. Пушкин вернул литографию и просмотрел оставшиеся страницы. За последнюю неделю записей не имелось. Только на девятнадцатое число было выведено: «Свид. с А.К». Планов на будущее после «А.К» у Гри-Гри не имелось. Будущее его было чистым и пустым. До конца года. Пушкин указал на запись.

– Знакомы эти инициалы?

– Не имею понятия, – ответила она со странно злорадной интонацией. Как будто нашла виновника всех бед.

Пушкин отдал записную книжку. Вдова бросила ее в ящик и задвинула его с громким хлопком. Она пребывала в сильном раздражении, которое не могла скрыть.

– Ольга Петровна, позвольте неприятный вопрос.

– Полиция не спрашивает разрешений, вам все позволено.

– Кто эта женщина?

– Какая женщина, о чем вы?

– Мне необходимо задать ей несколько вопросов.

– Извините, господин Пушкин, не понимаю цель вашего интереса, – сказала она с вызовом.

– Интерес прост: исключить убийство вашего мужа.

Ольга Петровна не была готова к такому повороту.

– Гри-Гри убили?! – голос ее дрожал. – Мне наврали в участке?

– Чтобы доказать обратное, нужно узнать, кто такая «А.К».

Ответ дался ей с большим трудом.

– Я не знаю... Кто она... – проговорила Ольга Петровна. – Гри-Гри не был падок на женщин, как... Не важно... В последние дни он сильно изменился. Стал скрытным... Нервным... В его жизни что-то происходило. Он не подпускал меня к себе. Я хотела ему помочь, он отказался от моей помощи... Если она и появилась... Я не знаю, кто она. Во всяком случае, среди тех, кого знаю, таких инициалов нет... А новых...

Ольга зажала губы кулачком.

– Простите, что доставил вам страдание, – сказал Пушкин.

– Пустяки, – Ольга смахнула невидимую слезинку. – Страдания мои только начинаются. Я уже не хозяйка в своем доме. Спасибо, если сразу не выгонят.

– Ваша сестра так жестока?

– Сестра меня любит, как и я ее. Но что она может?

– Ее муж, Виктор Филиппович, посмеет лишить вас последнего?

– Викоша незлой, неплохой человек, слабый, любит выпить, но не злой.

– Кто же тогда?

Лицо ее выражало мучение.

– Я обязана обсуждать дела семьи?

– Как вам будет угодно.

– Хорошо, скрывать нечего, – сказала она. – Пе-Пе, простите... Петр Филиппович будет требовать точного выполнения завещания. Он... Непростой человек. Я стараюсь его любить как родственника, но это трудно. Простите...

Пушкин протянул ей руку, что было довольно необычно. Ольга опасливо подала свою. Пушкин бережно пожал сухие и крепкие пальчики.

– Желаю вам сил, – сказал он. – Проводите меня к выходу. Боюсь заблудиться в темноте.

21

В доме свечей не жалели. Что в Замоскворечье осуждалось как расточительность. Ему было наплевать на мнение соседей. Он нарочно зажег весь свет, чтобы ни одна тень не смогла подобраться. Виктор Филиппович сидел в столовой своего дома и боролся, как мог. Боролся с коварным желанием. Желание нашептывало подойти к огромному буфету мореного дуба, отворить резную дверцу и пропустить рюмашку. Такую крохотную, что никакого вреда не будет.

Выстоять до окончательной победы ему не пришлось. Стукнула входная дверь, слишком быстро вошла Ирина, его жена. Обычно она тщательно раздевалась в «сенях», как по старой привычке называли прихожую, вешала полушубок и никогда не позволяла себе нанести снега

в дом. Теперь она только стянула шарф, которым на морозе плотно укутывала шею и лицо. В доме было жарко натоплено.

– Викоша, – проговорила она тихо и печально, отчего у Виктора Филипповича по спине пробежали мурашки. – У меня дурные вести.

– Чего от тебя ждать другого, – буркнул он.

– Я из полиции. Ездил вместе с Ольгой...

Виктор Филиппович вскочил и тут же сел.

– Да не тяни же!

– Оля и я... Мы...

– Что вы?!

– Мы опознали тело Гри-Гри. Твой брат умер. Прости, что вынуждена сказать тебе это. Не сердись, пожалуйста. Прости...

– Гришка дурак, чего натворил, – только и сказал Виктор Филиппович и сорвался с места. Держать себя в узде больше не было смысла. Он залез в недра буфета, вынул графинчик, в котором плескался коньяк, и стопку. Налил и опрокинул в рот, чтобы не остановили, а за ней другую. Внутренности обожгло, Виктор Филиппович сморщился и занюхал кулачком.

Ирина стала расстегивать крючки на полушубке.

– Викоша, зачем. Ты же обещал...

– Молчи! – крикнул он. – Молчи... Не смей мне...

Тут Виктор Филиппович должен был по обычаю предков устроить жене головомойку, но порода была уж не та. Отец его и дед держали в страхе женскую часть семьи. У него быть тираном выходило дурно. Он знал, что не сможет не то что ударить, но и прикрикнуть на жену. И она это знала. Вековые скрепы купцов пошли ржавчиной. Измельчал род, не осталось прежней силы. Вместо принуждения жены к покорности он дерзко налил еще рюмку.

– Я себе сам хозяин! – крикнул Виктор Филиппович отчаянно. – Смотри мне теперь!

Ирина не стала перечить. Отвернувшись от грозного мужа, стянула полушубок, с которого накапало на пол, и пошла назад. У ближнего окна что-то задержало ее. Она будто увидела что-то непонятное. Ирина подошла ближе, приложила ладошку к стеклу и стала всматриваться в ночь. Вдруг вскрикнула, отпрянула и закрыла собой окно.

– Там... Там... – проговорила она, еле владея языком.

Виктор Филиппович не заметил, как рюмка выскользнула из пальцев и брызнула об пол.

– Что... – обреченно проговорил он.

– Я видела... Она там...

Не понимая, что делает, купеческий наследник отбросил графинчик, который полетел прямо в створку буфета, и двинулся к окну.

– Викоша, не надо... Не смотри... Мне показалось... Там нет ничего... Просто нервы...

Он не слушал. Отшвырнул жену, которая мешала прикинуть к стеклу. Он хотел увидеть ее. Увидеть сам. И будь что будет.

– Тьма... Только тьма... Тьма белая... – говорил он. – Тьма кругом... За мной пришла... Ну, ничего... А вот это видела?! Вот тебе, на!

Виктор Филиппович показал тьме жирный купеческий кукиш.

– Вот тебе... Вот тебе... – тыкал он в разные стороны, как слепой. – Ирка, водки! Водки давай!

Запахнув полушубок, Ирина выбежала вон. Хлопнула входная дверь. Викоше было не до того. Он тыкал кукишем во тьму.

Михаил Аркадьевич захотел отужинать в «Эрмитаже». Дома кутерьма, толком не накормят. Он вошел в зал в том легком и светлом настроении, какое бывает у человека, честно прожившего день и не сделавшего другим ничего излишне дурного. Совесть его, по большей части, была чиста, поимка Королевы брильянтов казалась уже не такой безнадежной, да и в случае чего ясно, кто будет во всем виноват: конечно, Пушкин! Эфенбах уже выбирал столик поближе к сцене, как выбирает конфетку ребенок, уже официант кланялся ему как старому знакомому, как вдруг, в один момент, идиллический вечерок пошел трещиной.

В дальнем углу Михаил Аркадьевич заметил полноватого юношу, который строгим взглядом обводил зал. Среди десятка ресторанов и трактиров Москвы эта петербургская заноза, эта столичная язва, эта противная мозоль... Михаил Аркадьевич мог еще и еще добавлять эпитетов, но суть от этого не менялась. В зале сидел Ванзаров. Честно исполняя поручение, он пытался поймать воровку на живца. То есть на себя.

Хуже этого ничего не могло быть. Эфенбах понял, что ужинать ему спокойно не дадут. Юноша плохо знаком с приличиями, непременно подсядет, и тут начнется. Или вопросами изведет, или, чего доброго, набросится на какую-нибудь пристойную женщину, если ему в голову ударят подозрения. Этот сдерживаться не будет! Михаил Аркадьевич понял, что должен оставить поле боя врагу и бежать. Пока его не заметили. Под расстроенным взглядом официанта, у которого уходили приличные чаевые, он ретировался в гардероб и на проходе случайно задел даму. Эфенбах извинился и невольно окинул ее взглядом. Дама была недурна собой, лицо ее прикрывала темная вуаль, под которой только угадывались черты. Наклоном головы она показала, что простила такой пустяк, и вошла в зал. Сзади ее фигурка в светлом платье была исключительно хороша. Тонкая талия в сочетании с «бараными» рукавами выглядела слишком соблазнительно. Михаил Аркадьевич вовремя вспомнил о долге семейного человека и занозе по имени Ванзаров и подставил руки гардеробщику, который держал его шубу.

Веселые и небедные мужчины, которые оказались в этот час в ресторане, не могли знать, что превратились в добычу. Добычи было много, надо было выбрать кого-то одного. Дама в вуали провела взглядом по залу, как по полю, на котором паслась стая невинных зайчишек. Хищник, готовясь к прыжку, выпускает когти и обнажает клыки. Даме потребовалось поднять вуаль.

– Хватит с нас на сегодня поражений, – сказала она себе. – Ну, котятки, кто быстрее...

Как по команде, многие шеи повернулись в ее сторону, многие взгляды устремились к ней. Вот только не было в них чего-то, на что стоило тратить время. Ей хотелось чего-то большего. И тут она ощутила чей-то крепкий взгляд. За дальним столом сидел юноша, который смотрел на нее так, что дама поняла – вот он. Юноша был одет прилично, но не слишком богато, и, кажется, он приезжий. Но сейчас это было не важно. Ей нужна победа, маленькая, но эффектная. Юноша с сильным взглядом как раз для этого подходил.

Дама прекрасно знала, как подманить жертву. Официант был готов исполнить любое пожелание смелой незнакомки, которая явилась вечером в ресторан одна. Дама спросила столик подальше от сцены, на которую вышел цыганский ансамбль. Пока гости ресторана били в ладоши под волны цыганских юбок, официант проводил даму за столик. Она села вблизи одинокого юноши, который занимался обильным ужином. Вот только вместо вина или водки он пил кофе. Она подумала, что юноша совсем зелен, легкая добыча. Именно такая ей была нужна. Дама как бы случайно повернула головку и чуть улыбнулась соседу. Юноша смотрел на нее сурово и жадно.

Победа предстояла легкая.

У Пушкина был ключ. Ключ ему выдали как будущему хозяину, приказав, чтобы приходил когда вздумается. В любой час. И делал что захочет: спал, ел, работал, читал книги на диване. Это было новое, приятное и неожиданное чувство: иметь в кармане ключ от дома. Куда можно прийти, когда захочешь. Ему захотелось.

Квартира занимала половину второго этажа большого дома на Большой Никитской улице. Вроде бы весь дом принадлежал Ангелине. Вернее, раньше дом принадлежал мужу Ангелины, ныне покойному. Кажется, он его и построил. Стоило ему умереть, как дом достался вдове. Вдова горевала не слишком долго. Когда дала ключ Пушкину, уже строила планы на новую жизнь. Вместе с Пушкиным, разумеется. Хотя сам Пушкин в исполнении этих планов не был уверен.

Он вставил ключ в замок и повернул. Дверь, хорошо смазанная, открылась без скрипа. Из глубины квартиры доносился женский визг. Ангелине было весело, даже слишком. Пушкин прислушался. Ее смех мешался с чем-то незнакомым, похожим на урчание большой собаки. Пушкин знал, что Ангелина терпеть не может собак, особенно больших. Так увлеклась весельем, что не услышала звонка. Пушкин стоял в темноте прихожей, не включая электрический свет и не снимая пальто. Он слушал.

Звуки стали яснее. Будто один убежал в озорной игре, другой догонял. Хлопнула дверь. Пушкин знал, что дверь ведет в спальню. Больше секретничать не имело смысла. Он вошел в ярко освещенную гостиную.

Ангелина упиралась руками в дверь, не пуская кого-то, кто был в спальне. Она слишком резко повернулась на звук шагов. Тонкий газовый пеньюар распахнулся.

– Алексей? – Ангелина не успела удивиться, ей было слишком весело. – Что ты здесь делаешь?

– Большой кот идет искать мышонка! – раздался густой мужской голос из-за двери.

Пушкин бросил ключ на ближнее кресло.

– Простите, госпожа Камаева, что зашел не вовремя. Хотел одолжить смокинг вашего покойного мужа, чтобы не брать в прокат. Вижу, что помешал.

Из спальни кто-то старался выбраться, Ангелина держала дверь спиной.

– Алексей, подожди... Это совсем не то... что ты подумал... Просто шалости...

На спинке дивана был аккуратно разложенный смокинг. Размер на мужчину среднего роста. Пушкин собрал брюки, курточку, манишку с поясом и перекинул на руку.

– Какая удача, никому не нужный смокинг, – сказал он. – Сыскная полиция обязана собирать находки. Если хозяин обнаружится, то в течение недели сможет забрать потерянное в Гнездниковском переулке. Желаю здравствовать.

Ангелина хотела заплакать, но заряд веселья никак не пропускал слезы. И от двери не могла отойти.

– Мышонок! Пусти же! – раздался приглушенный голос.

Она стукнула пяткой по дверной створке. Но было уже поздно. Створка приоткрылась, выпуская лицо, украшенное холеными бакенбардами. Насколько правильными, что они казались ненастоящими. Такие носят оперные баритоны или офицеры-артиллеристы. Парикмахеру, создавшему эдакое чудо, следует ставить памятник при жизни. Или бюст.

– Позвольте... А что вы тут делаете? – только успел сказать господин, разглядывая нежданного гостя, как его тычком засунули обратно за дверь.

– Еще раз прошу извинить, что помешал, – сказал Пушкин.

В этом доме у него больше не осталось дел. Он повернулся и пошел в прихожую.

– Алексей!

Из прихожей донесся звук хлопнувшей двери.

Держать пленника в спальне не было нужды. Ангелина отошла. Господин с бакенбардами появился наполовину. Он был бос и откровенно гол.

– Мышонок, кто тут был? – спросил он, нахмурившись.

Слезы наконец пришли. Слишком поздно, никому не нужные. Ангелина смахнула их ладошкой и улыбнулась.

– Какая разница! Уже не важно.

Господин с бакенбардами вышел без стеснения, целиком, как мать родила.

– Позвольте, а куда делся мой смокинг?

Ангелина не могла объяснять, что глупо и случайно потеряла куда больше смокинга. Она потеряла будущее. Но разве мужчине объяснишь?

Мотнув головой, словно сбрасывая то, чего не вернешь, Ангелина рывком кинулась и повисла у него на шее, уткнувшись лицом в пушистые линии бакенбардов.

– Ни о чем не беспокойся... любимый, – выдавила она это слово. – Я подарю тебе десять новых смокингов.

– Но это мой концертный, счастливый!

Пожаловаться ему не дали. Ангелина впилась в его губы. Какая теперь разница!

24

Он долго не мог найти себе места. Номер казался огромной ловушкой, в которой ему отведена роль приманки. Кирьяков не мог совладать со страхом. И хоть при нем был револьвер с патронами, как будто полицейский чиновник готовился к серьезному бою, страх не отпускал. Заползал змейками под кожу в самое сердце. Наконец он поставил стул вплотную к стене, чтобы просматривалась вся гостиная, а перед собой развернул кресло наподобие маленькой баррикады. Револьвер Кирьяков положил перед собой. Последний раз он стрелял летом прошлого года, когда полицию вывезли на летний сбор. В случае чего навести оружие и нажать курок ему хватит духу. Вид вороненого ствола внушал уверенность.

Кирьяков считал засаду в номере «Славянского базара» откровенной глупостью и блажью, на которую поддался раздражающий Эфенбах. Каждому полицейскому известно, что преступник не возвращается на место преступления. Возвращается только в дешевых книжках, что продают на книжном развале. Так было бы преступление!.. Он не поленился сходить в Городской участок и заглянуть в дело: в протоколе осмотра ясно записано – самоубийство. И кого Пушкин намеревался поймать? Привидение, что ли?

Набредя на эту логичную мысль, Кирьяков обрел уверенность: ну, поспит до утра в лучшем номере гостиницы, позавтракает, а счет выставит Эфенбаху. Но стоило ему оказаться в номере, где не трогали ничего с момента нахождения тела, как настроение резко поменялось. Меловой рисунок на паркете, скатанный ковер, сдвинутая мебель будто нашептывали недоброе. Что именно нашептывали, Кирьяков и сам сказать не мог. Но от уверенности не осталось и следа. Хуже того, в голову, как нарочно, лезла мысль о призраке. Никак от нее не отделаться.

Баррикада внушала уверенность. Кирьяков, словно мальчишка, выставил над спинкой кресла револьвер и обвел им гостиную, как дозорный на вышке. Врагов не виднелось. Он положил револьвер на шелковое сиденье и удобно устроился сам. Ему было велено сидеть без света. Эту глупость Кирьяков точно не думал исполнять. Зажег свечи и поставил подсвечник на пол. Чтобы свет падал на гостиную.

В номере было тепло, на стуле уютно, снизу доносились звуки ресторанного оркестра. Постепенно покой овладел им. Подоткнув руки под мышки, Кирьяков незаметно провалился в дремоту.

Он проснулся от странного чувства, что рядом кто-то есть. Свечи не горели, в номере было темно. Страх взлетел волной, Кирьяков не мог шевельнуться. Кажется, в номере действительно кто-то был. Или что-то...

Собравшись с силами, Кирьяков вытянул шею и выглянул из-за спинки кресла. В темноте было трудно понять, что происходит. Там, в дальнем конце гостиной, прикрываясь шторами, движется нечто... Тень бесформенная, необъяснимая, мутная...

Рука не слушалась, не хотела взять рукоятку пистолета. Кирьяков понял, что не сможет удержать оружие. Он беспомощен, да и как стрелять в тень? Пришла его гибель, найдут утром бездвижный труп, поседевший от страха.

Бил озноб. Кирьяков обхватил себя руками и сжался, ему хотелось стать крошечным, чтобы забиться в щелку. Или еще куда-нибудь. Кресло пока его скрывало. Если тень заметит и приблизится...

Он больше не владел страхом. Страх овладел им.

Готовясь к неизбежному, Кирьяков зажмурился и услышал тонкий, надрывный вой. На долю секунды он удивился: откуда взялся этот вой? Но тут же понял: это кричит он. Вернее, не он, а его тело, которое хочет жить и не хочет отдавать свою жизнь непрошеной тени. Тело визжало и боролось за жизнь.

Револьвер, случайно задетый, скользнул вниз. Грохнул выстрел. Кирьякову показалось, что на голову ему свалился весь «Славянский базар» с этажами, номерами, крышами и даже печной трубой. Он плохо понимал, где находится и что происходит. Вой иссяк. В номер вернулась тишина.

21 декабря 1893 года, вторник

1

По пустым улицам пролетка летела тенью. Городового, правившего бойкой лошаденкой, Пушкин расспросами не донимал. Он, поднятый с постели среди ночи, сейчас боролся со сном. Борьба шла не слишком успешно.

Ведь нет ничего хуже, когда в глубокий сон врывается грохот дверного колокольчика! Пушкин сначала счел, что это звенит в ушах или сон слишком настойчив, и только плотнее зарылся в подушку. Но колокольчик не унимался. Вот и пришлось вскочить и в ночной сорочке бежать к дверям. Замороженный городовой, обдав паром, доложил, что за Пушкиным прислана пролетка. Случилось что-то, что не дождется утра.

Поспать Пушкин любил. Во сне приходили решения, которые не давались днем. Да и нет лучше лекарства для мозга, чем подремать всласть. Особенно утром. Однако со сном пришлось распрощаться.

По снежному насту пролетка шла мягко, как люлька. Пушкин тонул в дремоте и вытягивал себя обратно. К «Славянскому базару» подъехал не слишком бодрым.

Портье был на посту. Тщательно поклонившись господину из сыска, Сандалов остался за конторкой. Городовой указал, куда идти. Дорога и без того была известна.

В коридоре второго этажа топтались трое городовых. Пушкина встретили мрачные взгляды, которым резко поломали сон. Как будто он был виновником их несчастья! Честь ему не отдали и даже не кивнули из приличия. Но на мелочи субординации Пушкин внимания никогда не обращал. А сейчас было и совсем не до них.

Номер был ярко освещен. Кажется, зажгли все, что можно. Пушкин зажмурился и отчаянно зевнул.

– Прощения просим. Ничего, что осмелились нарушить ваш священный сон? – пристав Свешников был явно не в духе. Кому понравится, когда тебя в полночь поднимают с постели и требуют «прибыть немедленно».

Пушкин зевнул бесстыдно, как лев.

– Уже нарушили, – ответил он, моргая и борясь с веками, которые никак не желали разлепляться, мороча глаза мутной пеленой. Разглядеть сквозь нее нечто особенное не получалось. Казалось, в гостиной все на своих местах. На полу меловой рисунок, ковер скатан, стол сдвинут. Только у дальней стены кресло повернуто спинкой. Вокруг него суетились половой с коридорным. Лаптев держал поднос с графинчиком, а Екимов наливал стопку и отправлял за спинку кресла. Оттуда доносились звуки натужного глотания.

В одежде Свешникова была заметна небрежность, ворот расстегнут, галстука нет. Пристава явно выдернули из теплой постели. Еще тепленьким. Настрой его был далеко не дружеским.

– Господин чиновник сыскальной полиции, извольте объясниться: как понимать вот это? – пристав широким жестом указал на кресло.

– А что такого? – Пушкин принялся тереть глаза, которые не желали смотреть. Чем подхлестнул гнев.

– Что такого?! – повторил Свешников без намека на дружеское отношение. – В полночь поднимают тревогу: дескать, в «Славянском базаре» крики со стрельбой. Я подхватываюсь, мчусь, и что же мы видим? Господина чиновника Кирьякова в полубезумном состоянии, кото-

рый лепечет какую-то дичь, поминая Пушкина, который послал его на верную смерть и гибель души. Вид у него безумный, при этом трезв и запаха спиртового не источает.

– Уже нет, – сказал Пушкин, не справляясь с зевком.

Свешников искренне не понял:

– Чего – нет?

– Кирьяков нетрезв, как я погляжу.

Пристав с досады высказался непечатным образом, что с ним случалось исключительно редко.

– Требую разъяснений! – строжайше заявил он. – По какому праву на территории моего участка сыскная полиция выкидывает подобные фокусы? Почему не поставили в известность?! Заварили кашу, а расхлебывать – нам?!

– Приношу свои извинения, – сказал Пушкин, наконец овладев глазами.

Свешников ждал продолжения. Его не последовало.

– И это всё? – не утерпев, спросил он.

– Константин Владимирович, я разберусь. Это нелепая ошибка. В качестве отступного – с меня ужин в «Эрмитаже». Когда пожелаете.

Гнев пристава пошел на убыль. Провинившийся сыщик выказал раскаяние, и вообще ужином в «Эрмитаже» не разбрасываются. Свешников внушительно погрозил пальцем.

– Ужин мне и Богдасевичу. И то только по доброте моей души.

– Как прикажете, господин пристав.

– То-то же. – Свешников был удовлетворен и даже улыбнулся. – Значит, протокола нет и делать нам тут нечего.

– Поезжайте в участок, ночь длинная, успеете доспать.

Уговаривать пристава не пришлось. Изящно помахав на прощание, он быстро удалился, как будто сбегал от неприятностей. Из коридора донеслось приказание городовым и тяжелый топот сапог.

Пушкин подошел и заглянул за кресло. Кирьяков не очень походил на себя. Сидел сторбившись, сжав плечи, растрепанные волосы как будто тронула седина. Лицо его было беловатого оттенка. Он запрокинул большую граненую рюмку и, тяжело глотая, выпил до дна. Екимов налил еще и заботливо подал. Кирьяков держал стеклянную ножку, но пить больше не мог.

– Шестая? – спросил Пушкин, глянув на полупустой графинчик.

– Куда там, восьмая, – ответил коридорный.

– Не берет его, сердешного, – добавил Лаптев.

У полового глаз наметан: Кирьяков казался трезв, как стекло графинчика.

Пушкин отошел в сторону и нагнулся за револьвером, который упирался дулом в обои. Судя по запаху, из него недавно стреляли. Отщелкнув барабан, он нашел одну отстрелянную гильзу. Револьвер нырнул в глубокий карман пальто.

– Кто расскажет, что тут стряслось?

Кирьяков вцепился зубами в рюмку и заставил себя делать глоток. К признаниям он был не готов. Вызвался коридорный. Екимов обстоятельно рассказал, как около половины двенадцатого из номера донесся дикий вой – он, коридорный, как раз проходил мимо, – а затем выстрел. Второй раз рисковать никто не желал, сразу вызвали полицию. Как вошли, обнаружили этого господина: он трясся, как мышь. Пристав его узнал, приказал дать водки. За неимением других лекарств.

– Такой уж номер проклятый, – закончил Екимов.

– Нечистое место, одним словом, – добавил Лаптев.

Пушкин попросил оставить их с пострадавшим, а графинчик унести. Что Екимов с Лаптевым и исполнили быстро и с охотой: находиться тут было боязно. Отодвинув кресло, Пушкин сел напротив Кирьякова. В самом деле – виски чиновника сыска украсила легкая седина.

– Леонид Андреевич, что случилось?

Ответом было страдальческое выражение на лице, словно Кирияков вот-вот расплатится.

– Я не могу об этом говорить, – с трудом пробормотал он.

– Что вас так напугало?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.